

1968 • 2

раБОТНИЦа

МЫ, ЖЕНЩИНЫ М И Р А

● **Вьетнам.** Одна из тысяч защитниц свободы и независимости Южного Вьетнама.

● **Франция.** Участницы общенациональной забастовки за увеличение заработной платы бросают в огонь полученные ими от предпринимателей письма, содержащие угрозу: если они не прекратят забастовку, будут уволены.

● **США.** Так расправляются полицейские с участниками сидячей демонстрации перед зданием Пентагона. Демонстрантки требовали прекращения войны во Вьетнаме.

● **Греческая актриса Мелина Мерури,** гастролирующая в Америке, выступила против диктатуры военной хунты в Греции. Нынешнее греческое правительство лишило ее гражданства. Мелина заявила: «Я родилась гречанкой и умру гречанкой. Я не перестану разоблачать преступления фашистов: х диктаторов».

● **Индия.** Забастовка.

Фото из журналов «Антуанетт», «Фюр Дих», «Ной донне», «Вьетнам» и с выставки «Интер-прессфото-67».

Да здравствует Международ- ный женский день 8 Марта!

ТВОЕ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ

Кому не знаком, хотя бы по фотографии, великолепный монумент, созданный Верой Мухиной: два гиганта — мужчина и женщина — сильным, смелым движением дружно рванулись вперед, подняв к небу серп и молот. В сознании многих эта скульптурная группа давно слилась с образом Советской страны, ее народа. А зарубежные наши подруги назвали монумент «Символом равноправия», увидев в нем и другой его смысл: в трудовые победы, в дело строительства коммунизма женщина вносит равный с мужчиной вклад и одинаково с ним ответственна за судьбу своей Родины. Символ этот для миллионов женщин многих стран заключает в себе и заразительный пример и мечту.

У всех свежи в памяти дни, когда наш народ, а вместе с нами и передовые люди всего света торжественно отмечали 50-летие Великого Октября и осмысливали полугодовой путь первого социалистического государства. В те дни перед всем миром как-то особенно отчетливо предстало великое значение Октябрьской революции, сила ее воздействия на судьбы мира и каждого отдельного человека.

Октябрь повлек за собой и перестройку человеческой психологии, переоценку и коренную ломку многих взглядов и нравственных устоев. Эта революционная ломка в большой степени коснулась взглядов на женщину. Советская власть выбросила вон законы, принижавшие женщину, и утвердила новые, поставившие ее вровень с мужчиной решительно во всех областях. Ленинская партия и Советская власть с горем выкорчевывали подлые и постыдные предрассудки и бытовавшие веками устои, обрекавшие женщину на вечное рабство. Сколько костности, религиозного фанатизма, невежества преодолено, сколько сил положено, чтобы поднять в общественном мнении право и достоинство матери, труженицы, хозяйки своей страны. Да и сами женщины должны были уверовать в свои способности, почувствовать свою силу.

Жила, училась, строила Советская страна, сражалась с лютыми врагами. За отчину, не щадя жизни, рядом с мужьями и сыновьями бились и женщины.

В 60-х годах двадцатого века, когда в нашей стране половин всех материальных и духовных ценностей создают женщины, их ум, их руки, их сердце, только заведомый лицемер или фанатик может с тупым упорством утверждать, будто призвание женщины — дом, кухня, дети.

Изменился взгляд на женщину и во всем мире. Меняется ее положение: более трети тружеников составляют женщины в капиталистических странах.

В годы второй мировой войны во многих странах женщины стали играть значительную роль в экономической жизни общества. И так естественно, что после победы над гитлеровской Германией, после создания мощного социалистического содружества и многие правительства стран с иным социальным строем приняли законы о политическом равноправии женщин.

До 1917 года только в шести небольших странах мира — Австралии, Финляндии, Новой Зеландии, Норвегии, Дании, Исландии — женщины участвовали в избирательных кампаниях.

После окончания первой империалистической войны, после Октябрьской революции еще 15 стран, в том числе Великобритания и Соединенные Штаты Америки, представили право женщинам избирать и быть избранными в парламент и другие выборные органы.

В 50—60-е годы на карте мира одно за другим появляются новые независимые государства, сбросившие ярмо колониализма. Установление суверенности почти всюду сопровождалось признанием политического равенства женщин. И это тоже закономерно: в суровой национально-освободительной борьбе против колонизаторов женщины были рядом с мужчинами.

Если на карте мира заштриховать страны, где женщина лишена гражданских и политических прав, то это будут мрачные, но крохотные островки. Таких государств всего восемь, и в их числе Швейцария, где женщин относят в разряд низших существ, нуждающихся в специальной опеке.

В мире остается все меньше упорных консерваторов, которые рискнули бы открыто выражать подобные взгляды на женщину. Другое дело, провозглашая на словах идею равенства, не предпринимать никаких практических шагов к его осуществлению.

Вот почему «женский вопрос» продолжает вызывать беспокойство передовых людей во всем свете.

На последней сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций по инициативе Советского Союза и других социалистических стран была единогласно принята Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин.

По стечению обстоятельств это произошло 7 ноября 1967 года, то есть в день полувекового юбилея Страны Советов.

Декларация сосредоточивает общественное мнение на том, что, несмотря на Устав Организации Объединенных Наций и другие документы, утвержденные Генеральной Ассамблеей несколько лет назад, продолжает существовать значительная дискриминация женщин.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Работница

ФЕВРАЛЬ 1968 • № 2

Общественно-политический и
литературно-художественный журнал
Основан 8 марта 1914 года

• Издательство «Правда» •

«Дискриминация в отношении женщин, приводящая к отрицанию и ограничению их равноправия с мужчиной,—говорится в декларации,—является несправедливостью в своей основе, представляя собой преступление против человеческого достоинства».

Статьи декларации требуют равного для женщин права голосовать на выборах и быть избранными, занимать государственные должности, иметь доступ к образованию, получать равную оплату за равный труд, равное пособие по безработице и пенсионное обеспечение. Этот документ требует категорического запрещения браков несовершеннолетних и принудительной выдачи замуж, равных возможностей на расторжение брака, пресечения всех видов торговли женщинами, запрещения проституции.

Генеральная Ассамблея призвала все государства защищать интересы матери, ввести оплачиваемые отпуска по беременности, прекратить увольнения женщин по причинам вступления в брак или беременности, гарантировать женщинам право на прежнюю работу после рождения ребенка.

Почти пять лет разрабатывался и обсуждался этот документ в комитетах и комиссиях ООН. Было у него немало противников. Прикрываясь красивыми фразами о «материнском призвании женщины», «заботой о здоровье крошек», представительница Англии убеждала, например, отказаться от требования гарантий приема на работу молодых матерей. Очевидно, такого рода возражения диктовались интересами владельцев концернов и заводов. Но эти возражения получили достойный отпор со стороны представителей социалистических и развивающихся государств.

В большинстве стран равные права женщин закреплены законом, и теперь речь идет о его выполнении. Но мы знаем, как часто хорошие обещания иных политических руководителей капиталистических стран расходятся с делом. Во франкской Испании тоже принят закон о политическом равноправии женщин и равных правах на профессиональную подготовку. Но это осталось лишь пустой формальностью. Удел трудящихся женщин Испании трагичен. Даже жительницы Мадрида — столицы страны — в большинстве своем полуграмотны или неграмотны. Девушки, как правило, обучаются профессиям вспомогательного характера. Среди инженерно-технического персонала промышленных предприятий женщины составляют всего 0,4 процента. Средневзвешенные порядки полной зависимости жены от

воли мужа закреплены в гражданском кодексе.

Полвека назад английский парламент узаконил гражданское равноправие женщин. В Лондоне, возле Вестминстерского дворца, водружен даже памятник Борю за эти права: женщина с цепью в руках. Такой цепью приковала себя известная суфражистка в здании парламента, чтобы иметь возможность громко потребовать политических прав для своих соотечественниц, потребовать, прежде чем полицейские успеют сорвать цепь и вышвырнуть ее из дворца. Но до сих пор, как свидетельствует статья Христины Пейдж, опубликованная в журнале «Коммент», труд женщины ценится дешевле труда мужчин.

«Разве мы не являемся теми низкооплачиваемыми работницами, которым нынешнее правительство обещало помочь? — спрашивает Пейдж. — Мы, квалифицированные работницы, получаем на 5 фунтов в неделю меньше, чем неквалифицированный рабочий». Кассира получает на 2—3 фунта в неделю меньше, чем мужчина-кассир. В статье приводится бюджет одной из работниц швейной промышленности. За 40-часовую рабочую неделю опытная работница получает 8 фунтов 16 шиллингов 8 пенсов. Из этой суммы 5 фунтов 15 шиллингов 9 пенсов уходит на квартирную плату, электричество, отопление, транспорт, подоходный налог, страхование (английские рабочие сами вносят деньги в фонд страхования, так как государственного страхования не существует). «У работницы остается «внутренняя сумма» — 3 фунта 11 пенсов — на питание и одежду,— пишет автор и с иронией восклицает: — Какое изобилие! Нет сомнения, что ее хозяин тратит такую же сумму на один обед».

А нынешняя девальвация фунта стерлингов делает жизнь английских работниц еще тяжелее и горше.

Возьмем участие женщин в парламентах и местном самоуправлении. Из года в год количество женщин-депутатов уменьшается. В Национальном собрании Франции, например, 20 лет тому назад женщины составляли 5,4 процента депутатов, а сейчас — всего 2,5 процента.

На своем опыте мы знаем, что главное условие достойного положения женщины в обществе — это гарантированное право на труд в соответствии с образованием и склонностями, равные возможности получить профессию и, наконец, специальные государственные меры, охраняющие здоровье матери и ребенка, помогающие женщине воспитывать детей и вести дом.

Но если в социалистических странах для женщин распахнуты двери всех учебных заведений, то в капиталистических женщинам доступно еще всего лишь изучение домоводства, подготовка к технической работе в конторе, службе в ресторане, магазине, парикмахерской. В высших технических учебных заведениях Соединенных Штатов девушки составляют лишь 0,8 процента студентов, в Англии — 0,9 процента, в Японии — 0,6 процента, в ФРГ — 2,8 процента. Совсем иное дело в странах социалистических. В нашей стране 30,6 процента будущих инженеров — женщины, в Чехословакии — 17,2 процента, в Польше — 15,9 процента. Надо ли говорить, какое значение для работающей женщины-матери имеют детские учреждения. Но даже в развитых западных странах таких учреждений ничтожно мало. Журнал итальянских профсоюзов недавно писал, что обстановка в немногих созданных в стране яслях не соответствует элементарным требованиям педагогики, санитарии и гигиены. А плата за содержание ребенка так велика, что многие работницы лишены возможности отдавать туда детей.

Мир меняется, и все решительней борются передовые люди разных стран за права и достоинство женщины. Принятая Генеральной Ассамблеей ООН декларация — еще одна победа в этой борьбе.

* * *

Перед тобой, наша читательница, номер, посвященный Международному женскому дню 8 Марта. Несколько страниц этого номера заполнено рассказами твоих зарубежных подруг о том, как они живут, отстаивают свои права, выступают против угрозы новой войны. Матери всей земли борются против главной угрозы миру — преступной агрессии американской вооруженной во Вьетнаме. Интернациональная солидарность со всеми, кто борется против социальной несправедливости и за национальную свободу, всегда отличала советских людей. Она найдет свое выражение и подтверждение в документах, письмах и обращениях, которые советские женщины примут на праздничных собраниях в Международный женский день.

1968 год будет отмечен новым международным конгрессом женщин, который состоится в конце года в Хельсинки. Подготовка к конгрессу началась. И мы уверены, что он послужит единству женщин со всех материков земли в борьбе за права женщин, счастье детей, свободу и независимость народов, за мир.

Славен год юбилейный

В юбилейном, 1967 году достигнуты высокие темпы развития экономики, культуры и народного благосостояния нашей страны.

Около 7 миллиардов рублей — на такую сумму выпущено промышленной продукции сверх плана.

Перевыполнен государственный план закупок зерна, хлопка, сахарной свеклы, овощей и других продуктов.

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих составила 103 рубля, а с добавлением выплат и льгот из общественных фондов потребления — 139,5 рубля.

Более 11 миллионов человек справили новоселье.

Около 9 миллионов детей (почти на 700 тысяч больше, чем в 1966 году) находилось в постоянных детских садах и яслях; более 4 миллионов детей посещали сезонные дошкольные учреждения.

На 10 тысяч единиц больше стало у нас предприятий бытового обслуживания населения.

С 1 января 1968 года у многих повысилась заработная плата, увеличилась пенсия, удлинился трудовой отпуск. Это коснулось почти 50 миллионов трудящихся. Более 6 миллиардов рублей выделяет государство на эти цели.

ЦВЕТЫ ПЕТРОГРАДА

Июль 1920 года. В Петроград съезжались делегаты Второго конгресса Коминтерна...

Петерские рабочие хотели встретить гостей цветами. Но все цветоводческие хозяйства находились в совершенно разоренном состоянии.

И тогда было решено преподнести делегатам конгресса полевые цветы. Поручили это нашему профсоюзу сельхозрабочих. Исполком Петроградского Совета выделил в наше распоряжение два пассажирских парохода и немного продуктов. Мы позвали на помощь школьников и поехали с ними вверх по Неве. У пристани Островки вышли на берег. Надо было видеть, как радовались ребяташки, оказавшись за городом. В то тяжелое время дети еще не имели возможности выезжать на лето в пионерские лагеря и на дачи.

На другой день рано утром дети выстроились с букетами цветов по Суворовскому проспекту, привет-

ствуя делегатов конгресса и вручая им цветы. С транспортом было еще плохо, и зарубежные гости от Московского вокзала к Смольному шли пешком. Принимая цветы, посланцы рабочих всего мира обнимали петерских ребят, брали их на руки, целовали.

В это время в одном из садоводств на Елагином острове, где сохранилось несколько оранжерей, старикам цветоводам удалось собрать один букет. Этот букет был вручен на вокзале Владимиру Ильичу Ленину. Видно было по его лицу, как он обрадовался цветам. Ленин бережно нес букет, но потом подарил его одной из делегатов.

После заседания делегаты конгресса направились на Марсово поле и те цветы, которые утром получили от ребят, бережно положили на братские могилы борцов, погибших за дело революции.

А. КАГАН,
член КПСС с 1919 года

МЫ, ЖЕНЩИНЫ МИРА

Мариза РОДАНО,
член президентского
совета Союза итальянских
женщин

Больше миллиона женщин уволены с промышленных предприятий Италии за последние семь лет. А возможности найти новую работу ничтожно малы. Много женщин занято в сельском хозяйстве, но это работа в основном сезонная, с неопределенным заработком. Грозная проблема безработицы, или, как ее сейчас называют, проблема занятости, обсуждалась в ноябре прошлого года на конференции Союза итальянских женщин. Не секрет, что частная прибыль капиталистов растет в основном за счет усиления эксплуатации рабочих. Мы лишний раз убедились в этом, когда, готовясь к конференции, проверяли условия труда работниц.

Мне довелось как-то быть на одной московской швейной фабрике, и я видела, в каких хороших условиях работают там женщины. А у нас...

Предприятие, выпускающее искусственные ткани. На сто станков одна работница. Вся работа бегом. После смены она выходит из цеха в полном изнеможении. Конвейер по сборке радиодеталей. Быстро мелькают руки, напряжены глаза.

Работают большей частью молодые. Пять — десять лет — и они выжаты и выброшены за борт безжалостным ритмом машин.

По существующим законам на работу можно принимать подростков с пятнадцати лет, но есть у нас работницы, которым едва исполнилось 12.

А что сказать об уровне профессиональной подготовки женщин! Они стремятся получить хоть какую-либо квалификацию, но это почти невозможно. Поэтому труд женщины ценится особенно дешево.

Конференция приняла ряд требований к правительству.

Мы требуем, чтобы были установлены какие-то нормы рабочих мест для женщин на каждом предприятии — ведь им найти работу куда труднее, чем мужчинам; чтобы осуществлялась профессиональная подготовка; чтобы был создан денежный фонд для социальных нужд, в частности для развития яслей. Сейчас все имеющиеся в стране ясли могут принять всего пятнадцать тысяч ребят. И это на пять миллионов работниц!

Мы требуем сокращения рабочего дня и установления интервалов-передышек в быстром темпе конвейеров. Мы боремся за охрану здоровья и человеческого достоинства женщины — работницы, матери. Мы боремся!

Ана Мария де СА,
общественная деятельница «португальской» Гвинеи
и Островов Зеленого Мыса

Никогда прежде женщины моей родины не ощущали в себе столько сил, как сейчас, когда весь наш народ под руководством ПАИГК (партии Независимости) с оружием в руках борется за уничтожение ненавистного португальского господства. Патриотические силы освободили уже более половины территории нашей страны, и в этих районах строится новая жизнь, несмотря на трудности, связанные с войной.

Сотни женщин вступили в ряды бойцов, в народную милицию, работают медсестрами, санитарками. Есть женщины и в руководящих органах.

Одна из них товарищ Эрнестина Сила (в народе ее зовут Титиной). Она сражалась в рядах партизан на юге страны, потом училась за границей, а после возвращения назначена ответственной за здравоохранение и начальником народной милиции Северного района.

Другая замечательная женщина, мать троих детей — Кармен Перебра, — генеральный политкомиссар всех освобожденных районов юга. Круг ее обязанностей весьма широк: она руководит и службой здравоохранения и политической работой среди народных масс. Десятки женщин (и я сама в том числе) посвятили себя просвещению.

Я могла бы рассказать о многих героинях, молодых и старых, павших в борьбе за свободу родины. Но с особым восхищением мы вспоминаем Канью На Нтуге. Она была руководителем партийной организации на юге. Когда в ее родную деревню ворвались солдаты колониальной армии и начали чинить насилия и произвол, она, беременная на последнем месяце, возглавила восстание односельчан и была зверски убита колонизаторами. Канья На Нтуге пожертвовала собой, защищая права своего народа. Ее подвиг — пример для женщин моей родины.

А какими героями проявили себя женщины острова Кома! Когда португальские колонизаторы попытались вернуть себе этот освобожденный остров, все женщины вступили в ряды его защитников. Семьдесят пять дней длилась битва. Бойцы осажденного острова сражались против трех тысяч португальских солдат, вооруженных современным оружием и поддерживаемых авиацией и флотом.

Женщины Кома под покровом ночи проскальзывали на своих пирогах мимо португальских кораблей, доставляли оружие, боеприпасы, подкрепление из других районов страны. Понесла большие потери, враг отступил.

Мы глубоко благодарны советским женщинам, верным подругам всех женщин мира, за тот пример, который они дают нам. Мы благодарны им за ту помощь, которую они оказывают нам постоянно и бескорыстно.

Фани ЭДЕЛЬМАН,
вице-президент Союза аргентинских женщин

Несколько лет назад военная хунта совершила в нашей стране государственный переворот. В Аргентине установилась клерикальная диктатура фашистского типа.

В первые же дни диктатуры были распущены многие политические партии и демократические организации. Начали действовать реакционные законы, по которым любого человека, подозреваемого в симпатиях к коммунизму, могли лишить гражданских прав и посадить в тюрьму на срок до 16 лет.

Тяжелое экономическое положение Аргентины военная хунта решила «выправить» за счет рабочего класса. Вмешательство в дела профсоюзов, массовые увольнения, замораживание заработной платы, ликвидация коллективных договоров — вот далеко не полный перечень мер, которые обрушились на трудящихся. В результате резко понизилась заработная плата, а число безработных достигло невиданной цифры — миллион триста тысяч человек.

Чем хуже живут рабочие и крестьяне, тем больше богатеют капиталисты, особенно иностранные. Правящая клика торгует страной оптом и в розницу. В руках американских компаний находится 50 процентов предприятий по добыче и торговле нефтью, 60 процентов заводов химической промышленности, 85 процентов — по производству каучука и 90 процентов — по выпуску медикаментов.

На общем фоне притеснений, голода и нищеты особенно тяжела жизнь трудящейся женщины. Число работниц на промышленных предприятиях намного возросло в последнее время. Дороговизна заставляет идти на работу и тех, кто прежде мог жить на заработок мужа. Да и предпринимателям выгодно иметь на рабочем месте женщину, чем мужчину: ей можно меньше платить. Хотя национальная конституция и воззвала в ранг закона принцип равной оплаты за равный труд, он беззастенчиво и повсеместно нарушается. На предприятиях масоперерабатывающей промышленности, например, из-за разницы в оплате труда работница ежедневно тратит сумму, равную почти ее полутрехмесячному заработку.

Существует дискриминация и в профессиональной подготовке работниц. В технические училища девушек или совсем не принимают, или принимают в мизерном количестве. Среди 1 770 студентов этих училищ девушек всего 48.

Еще сорок лет назад в нашей стране был принят закон об охране материнства. Но он до сих пор не вступил в силу. Пособие по беременности, которое получает работница, настолько мало, что его хватает разве лишь на пеленки.

Ясно, что аргентинские женщины не хотят мириться с таким положением и ведут упорную борьбу за свои права. На некоторых предприятиях женщинам при активной поддержке всех рабочих удалось добиться уменьшения разрыва в оплате труда. А профессиональные союзы работниц металлургической и табачной промышленности, банковских служащих и служащих телефонных станций добились для женщин более продолжительного отпуска по беременности и увеличения пособия.

Как и в прошлые годы, 8 Марта — День международной солидарности трудящихся женщин — мы проведем под знаменем борьбы за подлинное равноправие.

МАРШ В ТРАУРНЫХ ПЛАТЯХ

В середине января, в день открытия очередной сессии американского конгресса в Вашингтоне, состоялась мощная демонстрация женщин, в которой участвовало более пяти тысяч американок, приехавших из всех штатов страны. Инициатором этого «Марша на конгресс» была 87-летняя Жанетт Эрини — первая американка, избранная в свое время членом конгресса США.

В марше участвовали представительницы многих женских организаций. Во главе демонстрантов были Жанетт Эрини, Дагмар Уильсон — руководительница движения «Женщины борются за мир!» и другие известные сторонники мира. В колоннах шли матери и жены солдат, посланных во Вьетнам, домохозяйки, студенты, фермеры. Шли жены сенаторов Фумбрэйта и Грюнинга, дочь сенатора Морзе. Все женщины были одеты в траурные платья.

Лидеры конгресса вынуждены были принять у женщин «Петицию скорби». Так назвали одну свою организацию в конгрессу. В нем говорилось, что американские женщины клеймят позором тех, кто повинен в гибели их сыновей на далекой вьетнамской земле, в смерти вьетнамских женщин и детей, кто тратит миллиарды долларов на ведение позорной войны, вместо того чтобы направить их «на исцеление больного американского общества».

Сенаторы-демократы Морзе и Грюнинг попытались поддержать участие марша и развернуть в конгрессе дискуссию по ней. Однако председательствующий — вице-президент США Губерт Хэмфри — сделал все, чтобы не допустить этого.

Одновременно с маршем в Вашингтоне выступили женщины прошли и в других городах Америки. В Сан-Франциско и Нью-Йорке они вручили копии «Петиции скорби» местным властям.

— Настало время сделать новый шаг в борьбе за мир. В каждом избирательном округе мы должны поддерживать тех кандидатов, которые выступают за прекращение грязной войны во Вьетнаме. И, если таких не окажется, надо выдвигать своих кандидатов из женских рядов... — сказала Дагмар Уильсон.

Гарри АЙЗМАН

Фрида БРАУН,
председатель Союза австралийских женщин, вице-президент МДФЖ

У женщин Австралии много забот, много неотложных проблем. Мы активно ведем борьбу за равную с мужчинами оплату труда. У нас остро стоит проблема работающей женщины и ребенка: куда деть малыша, пока мать занята на производстве или в учреждении? Ведь даже в таком городе, как Сидней, у муниципалитета всего двое детских яслей на... 20 мест!

С тех пор, как Австралия ввязалась в бесконечную войну во Вьетнаме, в стране поднялись цены на одежду, продукты, лекарства. Повысилась плата за квартиру, за медицинское обслуживание. Военный бюджет минувшего года был выше на 188 миллионов долларов, чем в предыдущем году.

Но никакие материальные жертвы и трудности не идут в сравнение с горем и гневом женщин, сыновей которых посылают на войну во Вьетнам.

«Спасите наших сыновей» (сокращенно «SOS») — так называется движение австралийских женщин, стихийно родившееся в прошлом году и охватившее различные слои населения. Все женские организации Австралии сделали борьбу за мир во Вьетнаме главным пунктом своей программы.

«SOS», «SOS!» — «Спасите наших сыновей!» — говорят их плакаты — такие, как на этом снимке.

ДОЧЕРИ ЭЛЛАДЫ

Н. БРАГИН

Женщины в черном. Подобно изваяниям, они часами недвижимо стоят на набережной бухты Фалерон. Тоскующие взгляды устремлены в туманную дымку Эгейского моря. Там, на скалистых островах, их родные и близкие. Тысячи узников концлагерей. Их оторвали от семей, от работы и тайком, под покровом ночи, вывели из Афин. Вывезли давно, сразу же, как только военщина захватила власть в стране и вновь, как в годы гитлеровской оккупации, превратила острова Юра и Лерос в концлагеря.

Апрельский переворот «черных полковников» 1967 года принес горе в дома тысяч греков и гречанок, на всю землю Эллады. В стране, давшей миру само слово «демократия», расплывалась конституция, попраны элементарные права народа, запрещена деятельность политических партий, разогнан парламент, распущены профсоюзные, молодежные и женские организации. Бесчинствуют военные трибуналы, охранка.

На улицах Афин — танки и броневики. Всюду солдаты. Штыки и пушки стали символом диктатуры, воцарившейся в Греции в 1967 году при прямой поддержке американских разведывательных и дипломатических служб, стремящихся любой ценой удержать эту страну в своем подчинении.

Военная хунта и ее иноземные покровители знают, сколь ненавистен греческому народу нынешний фашистский режим. Не только демократические, но и многие правые политические деятели отказываются признать власть хунты. Патриоты поднимаются на борьбу. В подполье действуют организации фронта борьбы с диктатурой. Выходят нелегально газеты, смельчаки разбрасывают по улицам листовки.

Всю Грецию облетела весть о дерзком вызове хунте, брошенном в полдень 7 ноября двумя юношами. Войдя в многолюдную таверну в центре Афин, они установили на подоконнике какой-то предмет и немедленно смешались с посетителями. Раздался негромкий выстрел — и из самодельной коробки вырвался длинный стержень, на котором ярко полыхало красное знамя.

Молодежи Греции — юношам и девушкам — есть с кого брать пример. В их сердцах живет память о легендарном подвиге героя Акрополя Манолиса Глезоса, вдохновившем народ на сопротивление фашизму в годы оккупации. О нем каждодневно напоминают и сам Акрополь, над которым поднимал знамя бесстрашный Манолис. И хотя сегодня Глезос снова в заточении на острове Лерос, люди знают, что он и там продолжает борьбу, показывая пример мужества и стойкости товарищам.

По вечерам молодежь собирается на тайные собрания и вполголоса распевает песни Теодоракиса — песни борьбы, песни свободы. Выдающийся композитор, бывший депутат парламента от Единой демократической левой партии (ЭДА) Микис Теодоракис бросил в лицо тиранам: «Никогда!» Никогда народ Греции не смирился с насилием, террором, фашизмом. И вскоре на волю вырвался песня-призыв Теодоракиса к народу «Никогда!».

Вместе с Глезосом томятся в фашистских застенках тысячи борцов за демократическую и миролюбивую Грецию. Устаи мужей и братьев разделяют их жены и сестры. Только на острове Юра за колючую проволоку хунта упряжала 250 греческих женщин, многих вместе с малолетними детьми. Хунта требует от них подписать заявление о том, что они отказываются от политической борьбы, и за это обещает освобождение. В ответ неизменно звучит гордое «Охи!» («Нет!»).

Где-то в одном из этих концлагерей томятся замечательные женщины, истинные дочери Эллады: жена выдающегося греческого коммуниста Никоса Белояниса — Элли Иоанниду, жена и сподвижница Манолиса Глезоса — Тасия Глезу, одна из активнейших деятельниц партии ЭДА — Елени Бена и их подруги по борьбе за демократическую Грецию.

Мне часто приходилось встречаться и с Тасией Глезу, и с Елени Бена, и с Элли Иоанниду, и с ее сестрой — прогрессивной писательницей Дидо Соттириу, и с женой известного профсоюзного деятеля Греции Тони Амбателоса — Бетти. Больше всего в этих жен-

щинах поражала и вызвала восхищение беспредельная преданность делу, за которое борются их мужья, и которому они сами отдают все свои силы.

В течение многих лет тюремного заключения Манолиса Глезоса, как и во время его краткого пребывания на свободе, Тасия неизменно участвовала во всех митингах и демонстрациях, которые проводились в Афинах, собирала подписи под воззваниями в защиту политических заключенных, выступала в печати. Когда в 1958 году арестовали Манолиса, на руках Тасии остался двухлетний сын Никос. Каждые две недели, а когда разрешили — и чаще, она везла Манолису передатки, весточки с воли и находила пути получить от него статьи для газет, письма друзьям. Я знаю, как это было трудно. Тасия рассказывала, что надзиратели следили за каждым ее движением.

И вот Манолис опять в заточении, хунта держит под стражей и Тасию. Дома их ждет теперь не только подросток Никос, но и его трехлетняя сестренка.

Пятнадцать лет назад Элли Иоанниду ждала участь мужа — Никоса Белояниса, злодейски убитого во дворе тюрьмы Гуди под Афинами. Она была приговорена к расстрелу. Но Элли ждала тогда ребенка, и смертную казнь ей заменили пожизненным заключением. Ребенок родился в тюрьме. Мать дала ему имя отца — Никос. Через два года малыш был «выпущен» из тюрьмы и оказался в семье сестры Элли — Дидо Со-

ттириу. Лишь в конце 1964 года Элли, тяжело больная, вырвалась на свободу.

...Мы сидели вчетвером в квартире Дидо. Элли крепко обнимала маленького Никоса.

— Мама, ты знаешь, я уже читаю по-русски! — с гордостью говорил Никос. — А мои рассказы печатают в школьной газете...

Элли вручила мне тогда написанный ею в тюрьме цикл стихов, посвященный Никосу Белоянису, борьбе греческих коммунистов за свободу своего народа.

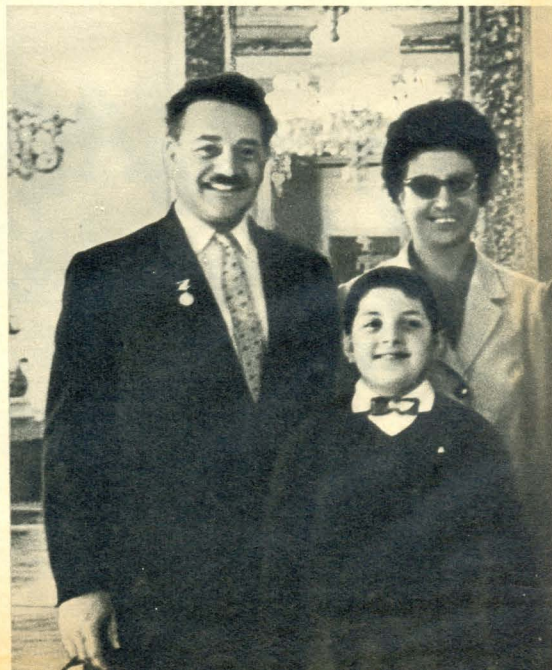
Сегодня Элли снова в заточении. Но мы твердо верим, что недолго «черным полковникам» удастся творить свои злодеяния на земле Эллады. Элли Иоанниду вновь обвинят сына, опять зазвучит на свободе страстный голос патриотки и демократки.

...Велика трагедия современной Эллады. На Акрополь легла тень фашизма. Но нет такой силы, которая могла бы заставить свободолюбивый греческий народ смириться с тиранией ненавистной ему хунты.

Перед народным гневом окажутся бессильными штыки и танки, концлагеря и тюрьмы. Чтобы ускорить час освобождения Манолиса Глезоса и Тасии Глезу, Элли Иоанниду и Елени Бена, всех демократов Греции, чтобы быстрее пробил час восстановления демократических свобод на греческой земле, все честные люди мира протягивают руку солидарности мужественному народу Эллады.

Манолис Глезос с семьей во время пребывания в Москве.

Фото А. Устинова.

ВЕРНАЯ СОНЯ

Борис БЕДНЫЙ

Рисунок М. ПЕТРОВА.

В первые дни моей работы инженером стоило только мне появиться на заводе, как я ловил на себе любопытные, оценивающие взгляды девчат-сортировщиц. А за спиной то и дело раздавались сдавленные беспричинный смехом, каким всегда почему-то прыскают девчата, когда один-единственный парень затеется вдруг в их компанию.

Страшноватая это штука, когда где-нибудь в одном месте соберется много девчат, а парней раз-два и обчелся. Каждая из девиц сама по себе вроде бы скромная и тихая, а все вместе такого наговорят, так засмеют, хоть беги. То ли они друг перед дружкой смелостью своей козыряют или просто пользуются безнаказанной возможностью хоть разок отвести душу, чтобы потом, до следующего удобного случая, снова быть благонаравными и примерными — не знаю уж, право, чего тут больше...

А теперь женская половина местного населения, судя по всему, успела уже выведать, что человек я неженатый, и это обстоятельство, похоже, изрядно набивало мне цену в глазах поселковых девчат. Впрочем, каюсь, я ничего не имел против и собирался сполна извлечь все выгоды из холостяцкого своего положения.

Уже в самый первый обход заводу, на другой день после приезда в поселок, я заметил звонкую сортировщицу Соною Щеглову. На вид ей было за двадцать. Под немодным и просторным ее платьем угадывалось сильное, ловкое тело. Красавицей, пожалуй, назвать ее было нельзя, но вся она была славная и надежная. Так выглядят люди, которые давно уже и прочно стоят на своем месте, хорошо справляются с привычным делом и при случае умеют постоять за себя.

Соня не только командовала своими девчатами-сортировщицами, но и сама умело орудовала багром и работала как-то особенно вкусно. Приятно было смотреть, когда она быстро, ловко, не глядя себе под ноги, перебежала по штаким мосткам, длинным гибким багром выхватывала из плывущей щети бревен нужное ей бревно и загоняла его в сортировочный дворик. Оттуда бревна поступали к сплоченным станкам, где их связывали в крутобокие пучки. А из пучков составляли плоты и отправляли на стройки, бумажные фабрики и лесопильные заводы. Но там уж работали другие сплавщики, а Соня только сортировала бревна. Она сортировала, а я любовался ею — такое у нас неметилось разделение труда.

В мою обязанность технорука входило контролировать все виды работ на заводе, но в первые дни я больше всего торчал на сортировочной сетке неподалека от Сони. Девчата-сортировщицы побивались нового начальнику и старались воссоздать. Качество сортировки в этой бригаде заметно подпрыгнуло, и директор нашей сплавной конторы Анкиев даже похвалил меня за то, что я такое большое внимание уделяю качеству работы.

— Жми и дальше на качество! — дал он руководящее указание.

— Постараюсь... — скромно сказал я.

Наверно, городские модницы нашли бы Соною малость провинциальной и неотесанной, но мне всегда нравились такие вот простые девчата. Я как-то лучше их понимал, и они меня тоже. Может, все дело в том, что до института я работал слесарем, а потом служил в армии и дослужился всего лишь до старшего сержанта. Дипломную свою работу я защитил всего полмесяца назад и еще не привык считать себя инженером. И Соня, кажется, ценила, что я не шибко задаюсь перед ней высшим своим образованием. Просто я учился в институте, а ей не пришлось — вот и вся меж нами разница...

Говорили мы с Соней лишь о работе. О том, например, что дров нынче идет много, а вот пиловочника маловато. Или о том, что плоточки ловят ворон и скоро некуда будет отсортировать шпальник. Я тут же указывал плоточкам на их прамашку — и Соня благодарно кивала мне, радуясь, что у нас с ней все выходит так оперативно, без всякой бюрократии.

Как и все кадровые сплавщики, Соня была загорелой. Только загар этот был не такой, как у тех, кто поджаривается на Черноморском побережье и мажется ореховым маслом, чтобы загореть до африканской черноты. В Соинском загаре был прочный кирпичный оттенок, и тут уж скорей пахло не Африкой, а Америкой с ее краснокожими индейцами. Это был профессиональный загар сплавщика, и в нем было больше от мороза и ветра, чем от нежаркого северного солнца.

Соня была бы еще привлекательней, будь в лице ее чуть побольше живости. Рабочая сноровка как-то уживалась в ней с северной медлительностью. Вид у нее был такой, будто она только что проснулась и не успела еще стряхнуть с себя сонную ленцу. Но мне даже и ленца эта в ней нравилась. Было в этой ленце обещание чего-то совсем нового, никогда еще не испытанного мною. Помнится, в третью или четвертую нашу встречу глядел я на Соною, глядел и вдруг подумал неожиданно для себя: «Интересно, какая ты будешь, если расшевелить тебя поцелуями!»

Вот напишешь такое, и вроде грубовато, даже бесстыже получается, а ведь в жизни редкий из нас так не думает. Или думать про себя — это одно, а вслух сказать — совсем другое? Ну, да ладно, это я так, между прочим...

Словом, чего тут мудрить, Соня мне сразу понравилась. Сами знаете, как это бывает: увидишь такую — и разные заманчивые мысли закрубятся в голове. До любви тут было еще далеко, просто мне приятно было встречаться с ней, любоваться ею в работе, слушать певучий ее говорок. Влекло меня к Соне и то, что не видно было в ней той канительной дикости, что бывает у совсем молодых, нецелованных девчушек, которые всего на свете еще боются и всерьез собираются прожить целую жизнь без любви. А Соня, чувствовалось, кое-что уже испытала на своем веку, распрямлено знает, зачем на свете существует мужская половина рода человеческого, и прочно усвоила, что без этой

полезной и неизбежной половины ей никак в жизни не обойтись...

При встрече с Соней мне приятно было пожимать ее руку — крепкую, обветренную и шершавую. Спасибо людям за то, что они придумали вот так заворачивать! Соня всегда открыто и смело протягивала мне свою крепкую руку, и лишь легкая лукавая усмешка трогала ее полноватые румяные губы. Похоже, женским своим чутьем она догадывалась, что рукопожатия эти для меня — зсего лишь махонький аванс, этакое наглядное обещание иных, более сильных радостей. Я только никак не мог понять, как сама Соня относится к этим предпологаемым радостям. Во всяком случае, с ходу она их не отвергала и отворачивания ко мне на ее лице не было заметно. А там кто же ее разберет!

На всякий случай, чтобы замаскировать свой повышенный интерес к Соне, я и с другими девчатами-сортировщицами тоже здоровался за руку. И руки у них тоже были крепкие и шершавые. Но это было уже не то, совсем не то...

Я приметил, что в клубе Соня всегда одна и парней рядом с ней что-то не видно. Танцевала она то с одним, то с другим — верный признак, что своего, постоянного кавалера у нее не было. Я не понимал, почему местные парни такие слепые кроты: обходят Соню стороной и увиваются вокруг ее менее привлекательных подруг. Но если уж они такие слепяки, то я-то, слава богу, был зрячим.

Мне даже жаль стало Соню: никто ее не любит и, кроме работы, ничего-то у ней в жизни нету. А годы идут, и так, за здорово живешь, промелькнет ее молодость. Я даже укор себе увидел в том, что под боком у меня творится такое безобразие. Вот какой я тогда был добрый!

...Неотразимым я себя не считал, и мне тоже случалось оставаться с носом. Но вообще-то девчата ко мне благоволили. Не знаю уж, право, что там они находили во мне, но успехов у меня было больше, чем поражений. Может, вся разгадка в том, что я рубил деревья себе по плечу и не связывался с привередливыми девчатами, которые о себе слишком уж высокого мнения. И тут, с Соней Шегловой, думалось мне, как раз такой случай.

А Соне по всем признакам встречаться и разговаривать со мной было гораздо приятней, чем с Анникеевым и другими пожилыми и женатыми начальниками. И в разгар самой деловой-предельной нашей беседы о пилочнице и шпальнице я частенько ловил на себе ее пристальный, как бы изучающий, а то и прямо благосклонный взгляд. Порой в сонноватых ее глазах мне чудилось ожидание и даже молчаливое приглашение к тому, чтобы не был я пентохом и вел себе смелее.

В студенческие безответственные времена я сразу бы, не мудруствуя, ринулся в атаку, а теперь вот медлил. И приторжанивало мою прыть не одно лишь сомнение в легкой победе. Поражения я не так уж боялся: раз на раз, как говорится, не приходится, и риск вытянуть пустой номер в таких делах всегда есть. Меня больше смущало то, что в отличие от всех прежних моих симпатий Соня была моей подчиненной. Я не шутил опасался, не будет ли со стороны мое ухаживание за Соней смахивать на самую настоятельную попытку использовать начальственную должность в корыстных целях? Иногда у меня даже закрадывалось подозрение: не потому ли Соня так благосклонно взирает на мою особу, что я ее начальник?

А я хотел, чтобы она полюбила не инженера и технорука, временно исполняющего обязанности начальника запани, а меня самого, Костю Мельникова, такого, какой я есть сам по себе, без всяких должностных подпорок. Вот эти сомнения и вязали мне руки на первых порах.

Но время шло, а Соня все так же выжидающе и поощрительно поглядывала на меня, и что-то не видно было, чтобы она так уж робела перед инженером, техноруком и временным своим начальником. А вот насмешливые искорки в ее глазах стали вспыхивать все чаще и порой даже прыгали этими проказливыми бенсенятами, будто Соню уже стала забавлять затянута моя несмелость, позорная для всей мужской половины рода человеческого. И я решил не тянуть резину, а действовать при первом же удобном случае. И случай такой, как водится, вскоре привалил.

Недели через три после моего приезда на запань мы как-то вечером задержались с Соней на работе, подбивая итоги смены. Когда вышли из конторки, все девчата-сортировщицы уже разбрелись по домам, и мы с Соней вдвоем зашагали к поселку. Я расширял ее о житье-бытье, давно ли она работает на сплаве и не трудно ли ей день-деньской воротать бревна багром. Она отвечала как-то скованно, невпопад, озиралась по сторонам и все время вроде бы чего-то ждала от меня.

Прошли тажекальный сарай, который закрыл от нас реку и спрятал от случайных прохожих.

— Постой, Соня, — сказал я осевшим вдруг голосом, взял ее за руку и со значением заглянул ей в глаза. Помнится, я подумал тогда: если она вырвет сейчас руку, я все обращаю в шутку и скажу, что просто хотел погадать ей по ладони.

Она не вырвала руки, не отодвинулась, а только исподлобья глянула на меня и усмехнулась, будто хотела сказать: «Давно бы

так!» Я прочел в ее глазах, кроме привычного уже для меня ожидания, еще и тайное согласие и уверился вдруг, что все мои нескромные желания сбудутся, и очень скоро, может быть, даже нынешней ночью.

Я осмелел и притиснул ее к стенке сарая. В рассеянном свете белесой северной ночи глаза Сони покрупнели, стали темными, бездонными. И вся она вдруг показалась мне сказочно-красивой, какими всегда становились для меня те девчата, которых я вот так обхватывал. Не то чтоб я сознательно шел на этот маскарад и настраивал себя на эту волну, но так уж почему-то всякий раз само собой у меня получалось. В поворотную ту минуту зазнобы мои как бы приподнимались в моих глазах, делались вдруг красивей и желанней. Мне вроде бы позарез надо было тогда всячески их принарядить, чтобы первичная моя симпатия к ним, подогретая народившейся исподволь и неподвластной мне нежностью, вскарбалкалась повыше и дотянулась до чего-то иного, более чистого и высокого, что люди обычно величают любовью.

А позже, когда я добивался своего или даже если ничего у меня в тот раз не вытанцовывалось, этот самообман сразу же и бесследно улетучивался, а я снова видел своих симпатий такими, какими они были на самом деле. Частенько потом я просто не понимал себя и не на шутку дивился: а чего я тогда в серенькой своей крале выискал? Девчонка как девчонка, встретишь такую на улице и не обернешься.

Не знаю, у всех так или только у меня одного...

Я притиснул Соню к стенке сарая и вплотную придвинулся к ней. Она и теперь не вырывалась, а лишь построжала вся, и сонливость ее вроде бы поразвевалась. И все же что-то в ее поведении настораживало меня, и я медлил.

Соня в упор смотрела на меня бездонными своими глазами. Я заметил, как проказливый бесенок шмыгнул из одного ее глаза в другой, будто Соня спрашивала: «А дальше что? Долго еще будем подирать тажекальный сарай?»

И это вот непроизнесенный, но угаданный мною вопрос подстегнул меня. Руки мои сами собой поехали по налитым Сониным плечам, а потянулся губами к ее рту, спеша поскорей перешагнуть через все, что пока еще разделяет нас, и оставить позади все глупые свои сомнения. Краем глаза я увидел, как Соня медленно и нехота, как бы в истоме, вскинула правую руку. Похоже, под внешней ее холодновоствостью прячется одна из тех самостоятельных и горячих девчат, которые не довольствуются тем, что их обнимают и целуют, но и сами любят ответно обнимать нашего брата.

По доброте душевной я даже пригнулся в коленях, чтобы ей удобней было меня обнять. А Соня отвела руку назад, и в этот миг, когда губы наши уже почти встретились и я слышал на своем лице ее свежее, с привкусом маты дыхание, она вдруг выбросила руку вперед и изо всей своей немалой силы ударила меня в подбородок. Я попятился, фуражка моя свалилась под ноги. Вот тебе и горячая!

Выходит, не только на работе с багром Соня умеет быть быстрой и ловкой. И какой удар! Далеко не каждый парень сумеет вот так двинуть.

— Могла бы и предупредить, раз не согласна! — сердито выпалил я, потирая огнем горящий подбородок.

Соня презрительно фыркнула:

— Я же еще и виновата!

— Что ж это ты кулачищем размахалась? — трезвее, кисло упрекнул я. — Ишь у вас тут, у северян, так и принято: как что, так сразу по физии? Веселые у вас края!

— У нас тут принято — к чужим невестам не лезть! — наставительно сказала Соня, просвещая меня насчет местных обычаев.

Я протяжно свистнул.

— Вот оно что-о!.. А где ж твой жених? Что-то я его не приметил!

— В армии, где же еще? На Балтике служишь. Вот осенью вернется — поженится...

Все у нее давно уже было решено и распланировано. И в этой ее злое и поперек расчерченной жизни места для меня не было!

Хотя голова моя и гудела от удара, но кое-что для меня прояснилось. Местные парни совсем не были слепыми кротами. Просто они знали о ее женихе — вот и обходили Соню стороной. Может, на первых порах какой-нибудь бедолага и попробовал испытать Сонину верность, но тут же схлопотал себе оплеуху и мигом стал чутким и сознательным. Не могли, черти стоевосвые, меня предупредить!

Одно прояснилось, зато другое еще больше запуталось. Почему Соня ни разу не заинтересовалась о своем женихе? Зачем тянула до последней секунды, вселяя в меня уверенность, что я на правильном пути? Не думала, что я зайду так далеко? Или сама не знала, как ей поступить? Или просто была убеждена, что сумеет постоять за себя в любой ситуации? Скорее всего последнее...

Соня как-то разом отделилась от меня, стала такой недосыгае-

(Окончание на стр. 25.)

В. ПУТЕЙКО. КРАСНАЯ ГВОЗДИКА.

Всесоюзная художественная выставка «50 лет Октября»

МАТЬ, ПОДРУГА, ВОИН

В разгар боев на Курской дуге, в июле 1943 года, у станции Поньры героически погиб отважный артиллерист Иван Поликарпович Евдокимов. А через двенадцать дней на командный пункт генерала К. К. Рокоссовского приехала из-под Саратова вдова воина колхозница Елена Ивановна Евдокимова. Приехала не одна, с сыновьями Петром и Василием.

— Поставь их, товарищ Рокоссовский, на место отца,— сказала Евдокимова генералу.— Они, может, для армии еще годами не вышли, но силой и сердцем готовы воевать за Родину...

Высокая, седая, с волевым лицом, она стояла перед генералом. И в строгом взгляде ее была не столько просьба, сколько требование сделать так, как она говорит. Командующий знал: четыре сына Евдокимовой уже воюют на фронтах. Петр и Василий были последними, самыми младшими.

— А как дома, в колхозе?— спросил Рокоссовский.

— О доме и колхозе не беспокоясь, генерал. Мы, бабы, все выдюжим...

Я вспомнил об этом эпизоде недавно в редакции журнала «Работница», на встрече участниц гражданской и Отечественной войн. Здесь собрались бывшие политработники и разведчицы, пулеметчицы и связистки, летчицы и санитарки, танкисты и снайперы.

И хотя война не женское дело и никто никогда не заставлял женщину братья за оружие, те, что пришли в редакцию, были солдатами. Они воевали, не уступая мужчинам ни в доблести, ни в отваге. И подтверждение этому — боевые ордена и орденские ленты на их кофточках. А у некоторых золотые звездочки Героев.

Встретились ветераны двух войн, чтобы накануне славного пятидесятилетия нашей армии поговорить о ее боевых традициях.

Армия родилась в 1918 году как защитница завоеваний Октября. В кровавых боях с белогвардейцами и иностранными интервентами проходили «военные университеты» ее бойцы и командиры. И уже в те дни каждый боец знал, что он солдат армии, какой никогда еще не было в истории. С самого начала она создавалась не для захвата чужих территорий, не для насилия и агрессии. И в годы гражданской

Он защитил их детство, их счастье, их жизнь.

Фото А. РУБАШКИНА.

Слева направо — А. Ф. Илюхина, А. П. Богат, И. Мухина, Н. М. Распопова.

З. П. Ганиева

О. А. Лазо

З. П. Патринцева

войны и в суровую пору фашистского нашествия советские солдаты воевали за свободу и счастье, мир и справедливость. Ленин писал, что создание социалистической армии, вдохновляемой идеями борьбы за освобождение трудящихся, делает Советскую страну непобедимой. Ленинское предсказание сбылось. Советская армия — самая мощная армия, какую когда-либо знала земля. Она верный страж интересов всех трудящихся мира.

Нелегко был путь Советских Вооруженных Сил за пятьдесят лет. Долгое время наша страна стояла один на один против огромного лагеря капитализма. Международная реакция пробовала силы молодого Советского государства. Многочисленные налеты басмачей на земли наших среднеазиатских республик, конфликт на КВЖД, события на озере Хасан, реке Халхин-Гол, война с белофиннами...

А потом наступило 22 июня 1941 года. Гитлеровская Германия, сокрушив главные западноевропейские державы, обрушила на Страну Советов невиданный по военной мощи удар. Не только Гитлер и его окружение, но и большинство буржуазных политических и военных деятелей были уверены в успехе фашистской агрессии. И прощались. Жестоко прощались.

Советские воины не только изгнали немецких оккупантов с территории Родины. Победа над гитлеровской Германией и ее союзниками в Европе и Азии открыла многим народам путь к свободе, независимости и социальному прогрессу.

Об огненных годах, о родной армии и вели реке товарищи, собравшиеся накануне 50-летия Советских Вооруженных Сил в нашей редакции. Имена многих из них известны всей стране. Ольга Лазо, Александра Богат, Зинаида Патрикеева, Евдокия Бершанская, Нина Распопова, Зина Ганиева...

У них особые заслуги перед Родиной и армией. У истоков Красной Армии рядом с революционными солдатами, матросами стояли женщины. Ольга Лазо была не только женой легендарного Лазо, но и отважной подпольщицей, храбрым воином, блестящим партийным организатором. В годы Отечественной войны она, преподаватель танковой академии, готовила кадры офицеров-танкистов.

Сквозь огонь гражданской войны прошла Александра Богат — одна из командиров Первой конной.

Не щадила себя в боях за власть Советов

Зинаида Патрикеева. В одном из боев она уничтожила трех белогвардейских офицеров. В другом, трижды раненная, контуженная, она не покинула поля схватки. Под Львовом сестра милосердия Зинаида Патрикеева вместе с ранеными бойцами своего эскадрона попала в плен к белым. Озверевшие палачи выжили на ее лбу пятнадцатую звезду. Сколько десятилетий прошло с того времени, но и сейчас еще заметен след пытки.

Отвагу и мужество, революционный порыв и любовь к партии Ленина, родине Октября, родной Советской власти приняло новое поколение, поколение сороковых годов. Свои богатирские силы оно показало в Отечественную войну. Разве можно забыть те трудные годы! В тылу женщины и девушки заменили мужей и братьев, стали строителями и шахтерами, конструкторами и командирами производства.

А сотни тысяч женщин ушли на фронт добровольцами. На одном из фронтов успешно воевал с врагом прославленный женский полк ночных бомбардировщиков, которым командовала Евдокия Бершанская. 24 тысячи боевых вылетов совершили его летчицы за войну! 23 летчицы удостоились звания Героев Советского Союза.

А вы знаете, что такое боевой вылет? Послушайте рассказ Героя Советского Союза Нины Распоповой:

— В одну из ночей мы со штурманом Лелей Радченко вылетели бомбить фашистов в районе Моздока. Враг встретил нас ураганным огнем. Все же мы прорвались к цели, парализовали ее, но на обратном пути самолет был подбит. Я получила тяжелое ранение... Машина быстро теряла высоту. У меня иссякали силы. Говорю Леле: «Самолет падает к немцам, я ранена». Радченко отвечает: «Направляй самолет в Терек. Лучше утонуть в реке, чем попасть к немцам!» Я и сама хотела достичь хотя бы Терека. Через минуту Леля говорит: «Готовь, Нина, оружие. И прости меня, если я сделала тебе что-нибудь плохое...»

Летчицы чудом остались живы.

А вот боевой путь Зины Ганиевой. Война застала ее студенткой Государственного института театрального искусства. Мечтала стать актрисой. А в 1941-м вступила в третью Московскую коммунистическую дивизию. Под Москвой снайпер Ганиева получила боевое крещение. Не раз ходила Зина в разведку в тыл противника за «языками», взрывала мосты и штабы.

В одном из боев ее тяжело ранило. Врачи думали: не выживет. Но она выжила. Сейчас Ганиева — кандидат филологических наук, специалист по языку и литературе Индии.

— В 1959 году, — рассказывает Зина, — меня послали в Индию заниматься в мусульманском университете. Запомнился мне разговор с одним профессором.

«Извините, что я оторвал вас от занятий, — сказал профессор, — но я узнал, что вы из Советского Союза, что вы русская леди. Я впервые вижу советскую женщину на нашей земле...» И потом добавил: — В 1917 году, когда у вас произошла революция, я был еще молодым человеком. Я следил за каждым шагом Советской власти, со многим не соглашался, со многим готов был спорить, но у меня да и у многих моих товарищей-ученых родилось твердое убеждение, что советский народ — это особый народ. У советского человека самое главное в характере — это преданность идее и самоотверженность».

Мы долго говорили, а когда расстались, я подумала: черты советского человека, подмеченные индийским профессором, рождены нашим строем, при котором все и каждый ощущают неразрывную связь с народом, с партией Ленина.

Ты и твоя страна. Ты и твой народ. Ты и партия. Страстную убежденность старших поколений революции восприняли сегодня те, кто идет ни на смену.

Молодые участницы встречи, активистки ДОСААФ с «Трехгорки» Лена Кузьмина и Нина Долженкова, рекордсменки парашютного спорта Ира Мухина и Галина Тропичева, военнослужащие — старший военфельдшер Кантемировской дивизии Валентина Воронина и радистефонистка Антонина Илюхина, как и их матери, готовы к защите Родины.

«Мы учтем уроки прошлого и делаем все, чтобы никто не застал нас врасплох», — говорил в докладе о 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Ну, а если найдутся безумцы, которые посягнут посягнуть на безопасность Советской страны, на наших союзников — советский народ не дрогнет. Откуда бы ни исходило такое посягательство — с севера или юга, с запада или востока, — агрессора встретит всепокрушающая мощь наших славных Вооруженных Сил».

П. ТРОЯНОВСКИЙ

СТАНИСЛАВА СКРУПСКАЯ

Эта история — еще один отзвук военных лет...

Время закрыло молодым побегам опаленные деревья, сровняло с землей траншеи. На месте руин поднялись новые строения. Но в каждом доме, в каждой семье война живет в памяти. Горькой потерей или упрямой надеждой, что если уж и не вернется без вести пропавший, то хоть отыщется его могила.

В ноябре 1966 года к нам в редакцию пришло письмо из Перемышля, что в нескольких десятках километров от Калуги. В нем рассказывалось о подвиге девушки-бронекатчицы, погибшей в бою за деревню Хохловка. Удалось найти очевидцев, узнать подробности, которых не было в письме.

И только имени отважной девушки никто не мог назвать.

Об этом бое я рассказал в декабрьской книжке журнала за 1966 год. Корреспондентка так и называлась «Кто она, безвестная героиня!». А в конце была просьба, чтобы откликнулись те, кто знал ее.

Почта стала приносить письма почти каждый день. Писали из Москвы, Тулы, Бийска, Могилева, Донецка... Ю. Тимофеев узнал в героине свою сестру Таисию Сергеевну Лесовицкую, которая в первые дни войны ушла на фронт добровольцем. Москвич В. Урасов — свою дочь, воевавшую в отдельной танковой роте Московской комсомольской дивизии и пропавшую без вести в конце 1941 года.

А телефонистка из Чувашии Мария Капитова рассказала о своем погибшем брате, который в каждом письме писал о девушке Кате, водителе броневика. «Мы с матерью догадались, что к Динке пришла любовь. Так оно и оказалось. Вскоре получили письмо от них обоих: «Любим друг друга. Закончится война — женимся». Но не довелось. Убили братишку. Может, это его Катя была в том броневике?» — спрашивала Мария Капитова.

Много писем получал я от бывших фронтовиков, которые рассказывали о других известных им случаях столь же героического поведения женщин на ратном поле. Среди них было письмо из Волгограда от Зуйкова.

«Дорогие товарищи! Несколько лет назад на Сахалине я встретил одного то-

варища из Перемышля. Я рассказывал ему, как в 41-м году наш ударный автоброневой батальон держал оборону под Калугой. Между прочим, рассказал и о таком эпизоде.

Несколько броневиков отравились в разведку в направлении деревни Хохловка и дальше на Козельск — Сухиничи. С одним из экипажей отправили и девушку-военфельдшера. Броневики должны были вернуться к определенному часу. На руках у нас был приказ отойти и взорвать мост через Оку. Но броневика, на котором ушла та девушка-военфельдшер, мы так и не дождались...

— Постой, постой, — перебил меня мой товарищ, — а не тот ли это броневик, который на моих глазах сожгли фашисты? — И дальше рассказало то же, о чем было написано в нашем журнале.

Теперь я не сомневаюсь: героиней боя за деревню Хохловка была военфельдшер нашей роты! Жаль только, имени ее никак не могу вспомнить.

А еще через несколько дней откликнулся бывший командир роты ударного батальона 8-го запасного автоброневого полка, ныне подполковник запаса Борис Иванов Скриквер, живущий в Кривом Роге. Он подтвердил номер войсковой части, где служила девушка-военфельдшер и, кроме того, сообщил такие подробности: в полку она появилась в середине июля 1941 года, когда к нему присоединились остатки части, отступавшей из Белоруссии. По национальности не то белоруска, не то полька. Но фамилия ее Борис Иванович тоже, к сожалению, не помнил.

В Государственном архиве Министерства обороны СССР мне выдали несколько папок с немногими сохранившимися от тех дней документами 8-го запасного автоброневого полка. Среди бумаг я и разыскал два документа.

Телеграмма замполита полка Спрыгина В. Г., который сообщал о составе командиров. И среди них — «Скрупская Станислава Адамовна, полка, медсестра, военфельдшер, член ВЛКСМ».

«Характеристика на военфельдшера Скрупскую. Тов. Скрупская Станислава Адамовна работает в санитарной части 8-го запасного автобронетанкового полка с 15 июля 1941 года, к работе относится добросовестно, работу знает хорошо...»

Нач. сан. службы 8-го зап. А. Б. полка военврач 2-го ранга Аристов. 25.8.41 г.»

Станислава Скрупская... Может, она? Продолжаю искать. Нахожу два донесения. Одно командира полка Гапонова, который сообщает, что штабом полка велась боевая разведка на участке Козельск — Сухиничи и при этом в личном составе были потери: 2 человека убито, 6 ранено, 3 пропали без вести. Второе донесение — замполита. Его мне хочется привести полностью:

«Начальнику Политуправления МВО. Дношу, что в связи с осложнением на фронте западного направления 8-му зап. А. Б. полку было приказано организовать отдельный батальон и занять оборону на подступах к г. Калуга. Состав боевого батальона сформировался из всех подразделений полка. Весь состав батальона выступил 5 октября и занял оборону. В результате боевых операций с германскими частями батальон (по уточненным пока что данным) имеет следующие потери: убито 10 человек, ранено в боях 8. Попали в плен: военфельдшер Скрупская, красноармеец Булыгин, старший сержант Кроров...»

Военком полка Спрыгин». Попала в плен? Точные ли сведения были у военкома? Может, только предположения?

Хорошо бы спросить об этом самого Спрыгина. Но о нем известно не больше, чем о Скрупской. Поощдила ли его война и где, в каком уголке Союза находится он сейчас, если жив?

Немало времени минуло, прежде чем пришла долгожданная весточка: Спрыгин Владимир Георгиевич живет в Обнинске.

Меня встретил высокий человек с мягкими, внимательными глазами. Подтянутый, стройный. Даже плечи держит так, будто на них, как и прежде, погони полковника. Он выслушал мой рассказ, просмотрел выписки из архивных документов тех далеких дней.

— Скрупская... — сказал задумчиво Владимир Георгиевич, — я помню тот бой. Мой КП был километрах в пяти от Перемышля. Утром 10 октября получили приказ отойти. Но я все медлил. Ждал, когда придут из разведки машины. Вернулись не все. Разведчики рассказали о бое в Хохловке и о том, что один броневик, в экипаже которого были старший сержант Кроров, красноармеец Булыгин, не вернулся. На этой же машине ходила в разведку и военфельдшер Скрупская... Мы ушли, так и не узнав об их судьбе. Решили, что все трое попали в плен.

В глазах Спрыгина я вижу смущение, какое бывает у человека из-за нечаянно сделанной ошибки.

Значит, героиней боя за Хохловку действительно была Станислава Скрупская, девушка из Белоруссии, военфельдшер. Значит, не пропала она без вести и не сдалась в плен, а до последнего патрона, до последнего вздоха защищала раненых товарищей и погибла героической смертью.

Звоню в Кривой Рог Скрикверу. Рассказываю о найденных документах. О разговоре со Спрыгиным. Называю фамилию Скрупской. Хочу назвать имя, но он кричит в трубку, перебивая меня:

— Это она! Я вспомнил! Мы ее звали мальчишечьим именем Слава...

— Да, — отвечаю я, — ее имя Станислава.

А. ГЛАЗОВ

Калуга — Подольск — Москва.

Все началось с того, что кто-то из бывших детдомовцев задумал проследить судьбы своих одноклассников и ровесников, тоже воспитанных в детских домах. Идея понравилась. В числе других получила предложение написать о себе и Ольга Борисовна Власенко.

Ни в сроки, ни в размеры она, мягко выражаясь, не уложила: села, расписалась и вместо задуманных пятнадцати страниц написала сто пятьдесят — пона!

...Сирота, воспитанная в детском доме на Украине. Комсомолец — начальник сталеплавильного цеха на металлургическом заводе и несколькими годами позже — директор завода. С первых дней войны в боях. Сначала по случаю: не успела уйти из города, где принимала боевые машины, и вместе с воинскими частями пробивалась из окружения. Потом добровольно ушла на фронт.

Воевала под Волховом, была заместителем командира дивизиона бронепоездов. Вместе с гвардейским танковым корпусом — заместителем командира полка инженер-майор Власенко с боями очищала советскую землю от фашистских захватчиков.

После окончания войны она осталась в армии. В Академии бронетанковых войск на стене вестибюля золотом по именованию выписаны имена выпускников, окончивших это учебное заведение с отличием. Среди других Ольга Борисовна Власенко. Сейчас она работает над диссертацией. Дел уйма.

— А тут еще вот это «общественное поручение», — сказала Ольга Борисовна о книге, которую она пишет, корреспонденту «Работничка».

Мы попросили Ольгу Борисовну познакомить нас с рукописью. Несколько страниц из будущей книги, которую Ольга Борисовна назвала «Родина-мать», мы и печатаем здесь.

Ольга ВЛАСЕНКО

И СНОВА В БОЙ...

Ольга Борисовна Власенко
(1941 год).

Техническую часть полка принимала в бою, на ходу. Принимать, собственно, было не от кого: моего предшественника в полку нет. С командирами взводов, помощниками по технической части, механиками-водителями знакомилась на коротких остановках, в работе, на поле боя, переходя от одной машины к другой.

У механика-водителя Вершинина заклинило башню. Осматриваем. Никаких признаков попаданий в башню нет. Дело, оказывается, в небольшой шпакотки механизма поворота башни. Знакомая работа. Вместе с экипажем устраняем повреждение — и опять в бой.

Боеприпасы, смотрю, на исходе, а начальник артиллерийского вооружения где-то задержался. Ожидать нельзя. На «виллисе» мчимся навстречу. Видим, машина с боеприпасами стоит в густом сосняке, а лейтенант отлеживается в кювете, ждет, когда в небе не будет ни одного вражеского самолета. Такого простить нельзя. Пользуясь правами старшего по званию, подвожу боеприпасов беру на себя. Маскируюсь, из-

бегая воздушного врага, добираемся до переднего края.

Снарядами обеспечены, и бой, очень напряженный, продолжается.

Вот подорвался на mine одна наша машина — порвало гусеницу. Ремонтники тут как тут, устраняют повреждение.

Вечером (или от пыли и газа кажется, что это вечер) во время передышки командиры части тут же, в укрытии, представляют меня лично составу. Но это для формы. Мы уже знаем друг друга: первая встреча состоялась в боевой обстановке, а в таких случаях люди знакомятся быстро.

Пополнение горючим и боеприпасами производим прямо на поле боя. Это опасно и нелегко. Боевой темп, где буквально мгновения определяют, жизнь или смерть — а нужна жизнь, победа или поражение — а нужна победа, требует полного напряжения воли, смелости, храбрости. Это именно то, что я себе представляла, стремясь в танковые войска, и потому не чувствую ни страха, ни усталости, ни робости перед новой, подчас незнакомой техникой. Обстановка требует спо-

койствия и действий — быстрых, четких, верных.

...Короткие передышки используем для подготовки полка к новым боям. Проводим технический осмотр всех боевых машин: многие из них прошли по полтысячи километров без ремонта.

Я стала танкистом сразу с приходом в полк — это не фигурально, а действительно.

Дело в том, что к вождению машины я и прежде делала не была равнодушной, водила и легковые и грузовые. И, как правило, на самых высоких скоростях. Но здесь боевая машина! Я очень хотела научиться водить, да как это сделать в бою? В первую же передышку сажусь за рычаги вместе с механиком-водителем Вершининым. Он у нас и скромнейший и лучший механик-водитель.

Водить танк — это умение особого рода, сами возможности боевой машины вырабатывают безстрашие. Перед тобой овраг, через смотровую щель он кажется пропастью, а ты преодолеваешь ее, работая рычагами. Перед глазами вырос холм, он кажется горой, но замечательная, умная машина «Т-34», послушная твоим рукам, легко одолевает и это препятствие. Вот на пути толстовые деревья, а ты подминаешь их под себя. По тебе стреляют, но ты прикрыт броней и смело идешь на врага. Так вырабатывается воин-танкист.

* * *

Тот, кто пережил отступление, не оставлял врагу родные села, деревни, города, кто видел укоряющие глаза наших людей, остающихся там, тот никогда не забудет безысходной тоски и горячи, которые каждый нес в своем сердце рядом со святой решимостью отомстить за все. Но и картины освобождения родной земли от фашистских варваров тоже забыть нельзя.

Мы ворвались в деревню. На окраине никого еще не видать, людей нет. Но так только кажется: горят хаты — украинские мазанки, — и в моем сердце тоже пылает огонь. В такой же мазанке родилась и я. И я вижу не горящую солому, не торчащие обгоревшие трубы вместо домов, а ту родную и милую жизнь, которая здесь была до прихода врага на нашу землю.

А вот и люди — наши люди: глаза плачущие и радостные от встречи со своими, вернее, от восторжения к жизни.

...После многих дней боев остановились на доукомплектование и пополнение материальной части.

Сижу в хате, что каким-то чудом уцелела на окраине окрешенного украинского села. То ли это реакция на пережитое в только что отрешившем напря-

женном бою, то ли от встречи с истерзанными, оборванными, голодными нашими людьми или действительно в хате прохладно, но я вся как-то застыла. Хозяйка тетя Мотря, словно родную дочку, укрывает меня ветхим ватным одеялом и своим стареньким лифуном и все говорит, говорит... Она не может остановиться, она переполнена горем, она изливает передо мной душу, и ее воспоминания, не далекие, а совсем еще свежие, ложатся на сердце калеными углями.

Рядом сидит красноармеец Савченко, он уроженец Смоленской области, украинского языка не знает, а вот рассказ тетки Мотри понимает и, слушая, крепче сжимает винтовку.

Трехлетнюю Марийку, соседскую, изверги на глазах у матери посадили на штык и бросили в горящую хату, а над Прыськой глумились, как хотели, и тоже бросили в огонь: узнали, что Федя, ее муж, — партизан. Но она не выдала никого.

Люди боролись, молодые ушли в партизаны, старики и старухи тоже без дела не сидели.

— Пришел до нас, дощол, слух... — И полился рассказ, похожий на легенду. Как где-то неподалеку, на занятой немцами советской земле, испекли люди хлеб и верили: кто поест этого хлеба, тот победит, потому что хлеб — земля наша родная, где ты родился, где ты сделал первый свой шаг, где рос и учился, строил и творил. Хлеб — это сама жизнь. Вот эта-то сила должна была идти до передовой, до каждого нашего воина. То был крик земли родной, горячей, стонущей, зовущей к уничтожению врага, к ее освобождению.

— Но армия на фронте большея, — продолжает тетя Мотря, — и надо, чтобы каждый отведал хлебушка. — И вот из разных сел едут, идут верные люди, берут кусочек священного хлеба, ставят на нем опару, пекут из этой опары новый хлеб, везут его дальше, и так из села в село, из рук в руки. А ироды следят за каждым шагом, надо все делать скрытно.

От этого села хлеб повез дед Микола, он сам себя обжег крапивою, смазался какой-то черной мазью, и, как больного, тетя Мотря отвезла его в соседнее село. Там наши верные люди, и продолжила продвигаться к самому фронту на родная вера в силу хлеба с родной, временно занятой врагами земли.

— Видно, — заключает тетя Мотря, — хлеб дошел-таки до передовой, и пришли вы, наши освободители...

Умолкла тетя Мотря. И мы, взволнованные, тоже молчим... А завтра снова в бой...

СТРОКА ИЗ ДОКЛАДА

Зимнее утро было пасмурным, туманным. Беспрепятно лил дождь. Но ничто не могло испортить праздничное настроение женщин, приехавших в Ташкент со всех концов Узбекистана на свой четвертый республиканский съезд.

«С праздником!» Это слово горело на многочисленных плакатах и транспарантах. «С праздником!» — пели карнаи над площадью у театра имени Алишера Навои. «С праздником!» — приветствовали делегатов девушки в ярких национальных платьях, вручая цветы.

Более тысячи делегатов собралось в Большом академическом театре имени Навои. Здесь посланцы заводов и строек, колхозов и совхозов, учительницы и врачи, научные работницы и артистки, министры и председатели женских советов.

Съезд открыл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК партии Узбекистана Ш. Р. Рашидов. В своей вступительной речи товарищ Рашидов сказал: «...В осуществлении всех социалистических преобразований в республике, в завоевании всех великих побед выдающаяся роль принадлежит нашим женщинам. Благодаря социалистической революции женщины Советского Востока сбросили с себя вековые оковы бесправия и рабства, вышли на светлую дорогу творческого созидания...»

Я вслушиваюсь в эти слова и смотрю на женщин. О них говорит первый секретарь ЦК: вот Ядгар Садыковна Насриддинова, председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана, рядом с ней лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда механизатор-хлопкороб Турсуню Ахунова; вот министры — Василия Садыковна Анна Ивановна Бродова, первая ведет социальным обеспечением в республике, другая — бытовым обслуживанием. Я вижу Шамсикамар Гаибджанову и Елену Георгиевну Самойленко — людей старшего поколения, из числа тех, кто в первые годы Советской власти боролся за

счастливые судьбы женщин Востока, кто и сегодня еще в строю; Таисию Павлову, мастера Ташкентского авиационного завода имени В. П. Чкалова, Героя Социалистического Труда, и Халиму Насырову, народную артистку СССР; наблюдаю, как сосредоточенно слушают оратора Ханима Бабаева, доярка колхоза имени В. И. Ленина, Самаркандской области, и Дильбар Абдурахманова, первая узбечка-дирижер.

На память приходят строки из стихов народной поэтессы Узбекистана Зулфия (она тоже делегат съезда):

Десятилетия пролетают быстро.
Я на свою ровесницу гляжу
И вижу путь до женщины-министра
От девушки, сорвавшей паранджу.

Съезд обсудил доклад Я. С. Насриддиновой «О задачах женщин Узбекистана в борьбе за дальнейший подъем экономики и культуры республики» и принял Обращение ко всем женщинам Узбекской ССР.

В докладе Ядгар Насриддиновой были такие строки: «С чувством особого удовлетворения отмечаем мы и огромные достижения в ликвидации, тяжелых последствий землетрясения в столице республики, восстановлении и строительстве нового Ташкента...». Позвольте, дорогие подруги, от имени всех женщин, всех трудящихся нашей республики выразить горячую благодарность и искреннюю признательность всем братским народам страны за огромную бескорыстную помощь в восстановлении и строительстве нового Ташкента, за их могучую поддержку».

...Я хорошо помню тот день, 26 апреля 1966 года, когда на Ташкент обрушилась беда: подземные толчки большой силы повредили и совсем разрушили десятки тысяч зданий и сооружений, без крова остались 68 тысяч семей. Помню, как настойчиво ловили мы сообщения радио о землетрясении, ждали весточек от друзей: как-

то они там, в «трясающемся» городе?.. И радовались, когда узнали, что разбушевавшая стихия оказалась слабее мужества и организованности ташкентцев, что, как и всегда, в урочный час идут люди на работу, торгуют магазины, действуют столовые, медицинские пункты, почта и телеграф.

А Родина спешила на помощь Ташкенту. Ехали строители из Горького, Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Тулы. Посланцы 14 союзных республик. Шли эшелоны с техникой и строительными материалами. Я слышала, что среди прибывших сюда шестидесяти тысяч строителей 25 тысяч женщин.

И мне захотелось встретиться с теми, кто строит сегодня новый Ташкент, увидеть, каким он стал за полтора года после землетрясения.

...В районе новостроек — Чиланзаре — шеренги новых домов с синими, желтыми, розовыми лоджиями и балконами. Многие улицы еще не имеют названий, но новоселы (их 250 тысяч) без ошибки покажут вам кварталы «российские» и кварталы «украинские», дома «казахстанские» и дома «ташкентские». При этом посветуют непременно побывать в новой школе, которую построили москвичи: уж больно хороша школа!

Из Чиланзара отправляюсь в центр города, больше всего пострадавший от подземных толчков. Сейчас это огромная строительная площадка. Здесь я и познакомилась с бригадой штукатуров Луганского строительного-монтажного поезда. Бригадир — Александра Федоровна Карлова, «тетя Шура», как зовут ее на стройке буквально все: и молодежь и люди постарше.

Александра Федоровна приехала в Ташкент с первым эшелонном 18 мая 1966 года, приехала из Краснодона. Она вспоминает, как было трудно на первых порах.

Гость съезда — Ле Ны Хунь, редактор журнала «Женщина Вьетнама» — среди делегатов.

Фото Б. МИЗРОХИНА

ЖЕНЩИНЫ УЗБЕКИСТАНА

● 938 тысяч рабочих и служащих — женщины — 41 процент от общего числа работающих.

● Более 650 тысяч женщин занято в колхозном производстве.

● 74 процента составляют женщины среди работников народного здравоохранения.

● 6 688 женщин — научные работницы, 42 доктора наук, 1 101 кандидат наук, 23 профессора.

● 67 тысяч женщин состоит в партийной организации республики.

● Труд женщины отмечен наградами Родины:
88 — Герои Социалистического Труда, 36 тысячам вручены ордена и медали СССР.

● 22 женщины — депутаты Верховного Совета СССР, 141 — депутат Верховного Совета Узбекистана, 34 640 — депутаты местных Советов.

● 5 824 женских совета в республике, 46 тысяч активисток работают в них.

IV съезд женщин Узбекистана приветствуют октябрята.

Фото Ю. КАВЕРИНА

Приходилось работать под палящим солнцем, нередко по 12—14 часов в день. А в палатке и ночью не было желанной прохлады.

Сейчас все это позади. Сдали два жилых дома в Чиланзаре да два дома в центре города. Сами строители поселились в благоустроенном доме. Год назад приехала дочь Тамара, а потом и младшего сына, Мишу, привезли к маме, в Ташкент. Тамара работает маляром, а Миша ходит в школу.

Бригада у тети Шуры большая—34 человека; мужчин четверо, остальные—женщины, больше молодежь. Есть среди них «ветераны»: Люда Добровольская, Дуся Липовская, Галя Дырко, Вера Прокочук. Как и бригадир, приехали они в Ташкент в числе первых. Бригада спешит закончить детский комбинат. Кроме штукатурных работ, научились женщины и полы плиткой настилать и стены облицовывать. Мою беседу с бригадиром то и дело прерывают: подходят девчата, докладывают, что сделано, получают задание, хотя день субботний и уже больше часа, как закончилась рабочая смена. Детский сад и ясли должны в срок принять маленьких обитателей, поэтому с временем считаться не приходится.

Закончится трудовой день, и тетя Шура и девушки из ее бригады займутся прическами, нарядами: завтра они приглашены на свадьбы, три свадьбы в один день...

В центре города ведет работу и Саратовский строительно-монтажный поезд. Саратовцы готовят к сдаче два жилых дома—№ 75 и № 76. Направляюсь к дому № 75. Это ударный комсомольский объект. Здесь работает бригада маляров Тани Недошивиной. Застаю бригаду во время «перекура».

Девушки только что читали вслух «Олесю» А. И. Куприна. Серьезные лица, грустинка в глазах—все еще под впечатлением прочитанного. Потому, наверное, разговорился не сразу. Узнаю, что в бригаде 14 девушек, одни приехали из Пензы, другие—из Ульяновска. О том, с каким увлечением они работают, догадаться нетрудно: отделка каждой комнаты, приятный ковер и нежный рисунок на стенах—тому подтверждение.

— Сдать малярку,—говорят девушки,—на «хорошо» и «отлично»—главная наша цель. Но этого мало. Чтобы строить быстрее, мы решили сверх положенного времени отработать на ударном объекте еще по 15 часов каждая. Это будет наш комсомольский подарок Ташкенту.

Девушки просят меня передать через журнал пензенцам и ульяновцам приветы и сообщить, что наказы земляков они помнят и их выполняют.

Чтобы полнее представить себе размах строительных работ в Ташкенте, направляюсь к заместителю главного архитектора города Фархаду Турсунову.

— Сразу после землетрясения,—говорит тов. Турсунов,—предстояло срочно построить жилье, чтобы к зиме переселить семьи из палаток. В удивительно короткий срок вырос город-спутник Сергели—это 150 тысяч квадратных метров жилья и все виды обслуживания: детские комбинаты, магазины, медицинские учреждения. Огромное жилищное строительство развернулось в Чиланзаре. Вы видели, в этом районе дело идет к завершению. Начато освоение районов на северо-западе и северо-востоке, осваиваются районы рисового массива, Юнус-Абада.

Ведом строительство и в центре Ташкента. Здесь воздвигаются кирпично-каркасные и крупнопанельные дома в четыре и девять этажей, скрепленные сейсмическими поясами. Таким зданиям не страшны подземные толчки до девяти баллов. Строятся и двухэтажные дома для больших, многодетных семей. Около каждого такого дома будет дворик.

В центре возводятся и административные здания. Сдан в эксплуатацию Дом правительства, строится девятнадцатэтажное здание для министерств и комитетов, восемнадцатэтажная гостиница на семьсот номеров, цирк, Дом молодежи, крытый каток, универмаг.

Пробиваются новые улицы, магистрали. С юго-запада на север через центр города протянется магистраль, которая будет называться «Дружба народов».

Добрый след на узбекской земле оставят строители из разных городов нашей Родины. Один миллион двести тысяч квадратных метров жилья, торговые центры, школы, детские сады и ясли, медицинские и бытовые учреждения—таков дар Ташкенту от четырнадцати союзных республик, от городов Москвы и Ленинграда. Закончили работу и уехали домой строители Киргизии, Казахстана, республик Прибалтики. Дольше других задержатся в Ташкенте москвичи и ленинградцы, россияне и украинцы—они завершат свой план в 1968 году.

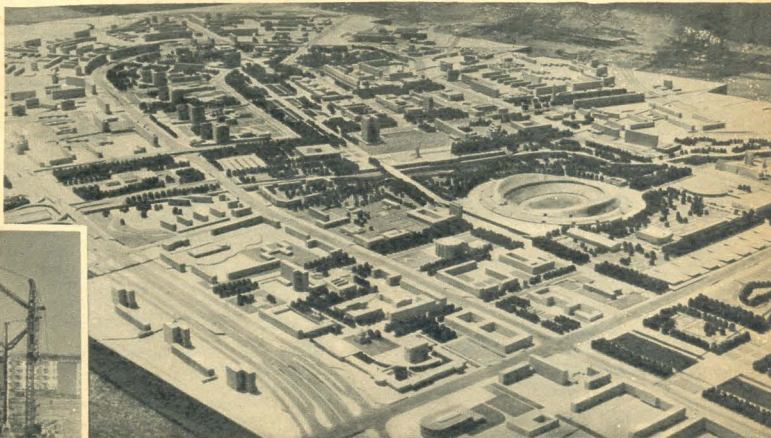
Но помощь друзей Ташкенту измеряется не только количеством квадратных метров жилья,—заканчивает свой рассказ архитектор.—Это и содружество в проектировании и обогащение передовым опытом градостроительства. Как у нас говорят, на цементе дружбы строится новый Ташкент.

В честь этой великой дружбы будет сооружен монумент в парке Чиланзара.

З. ТИМОФЕЕВА

Ташкент строится.

И таким он скоро будет.

Есть такой город...

Встретил как-то знакомого, только что вернувшегося из командировки: «Где был?» Приятель назвал старинный городок на Рязанщине, где я вырос. Я обрадовался, забросал собеседника вопросами.

Приятель смотрел на меня с недоумением, отвечал нехотя. Городишко пыльный. По мостовой с грохотом катят телеги, уснуть невозможно, в гостинице нет душа, горсад — пятачок, за пять минут обойдешь, о речке и говорить нечего: воровью по колено...

Он рассказывал, словно бы и радуясь, что может наконец-таки облегчить душу, посчитаться с городом, который доставил ему столько неудобств за неделю пребывания, я, естественно, слушал, но чувство было такое, словно говорят не о моем родном, а совсем о другом, незнакомом мне городе.

Я, конечно, помнил, что горсад у нас небольшой, но это было чисто умозрительное представление, на деле при слове «горсад» передо мной вставал целый мир, я сразу вспоминал, с каким нетерпением ждал вечеров, чтобы отправиться в этот сад, кружить и кружить по его тенистым аллеям, нисколько не думая о том, что, наверно, в миллионный раз ступаю по одной и той же дорожке. Наоборот, всякий раз я открывал ее для себя как бы заново и сам был не такой, каким был минуту назад, и все потому, что каждый шаг обещал мне встречу с той, ради которой я и бежал в горсад и которая, увы, не обращала на меня ни малейшего внимания, ибо была классом старше. Тогда это было трагедией для меня, а пятнадцать лет спустя — удивительная штука — жизнь! — обернулось радостью.

Я помнил и о пыли, но это была совсем особенная пыль, иная, чем пыль моего знакомого. Я застал еще то время, когда в городе вообще не было никакой пыли, улицы к лету сплошь зарастали мелкой кудрявой травкой, тучи гусей бродили по ним.

Пыль принесли машины. Сначала они были редкостью, мимо невысоких, на три оконца домишек, сцепившихся заборами, пронеслись с такой скоростью, что только облака пыли, густевшие от года к году, свидетельствовали: то не сон, а явь, новая жизнь надвигается на городок.

Очереди в кинотеатре? Духота, подсолнечная шелуха на полу?.. Но в этом кинотеатре я впервые увидел «Чапаева», «Броненосец «Потемкин»...

К чему это я ударился в воспоминания? А к тому, что и сам чуть было не оказался в положении моего приятеля, впервые попав в Чарджоу — городок на Аму-Дарье.

Город как город, сто с небольшим тысяч населения, сто без малого лет от ро-

ду, равнинный, спокойный; паутина оросительных каналов с редкими деревьями и кустарниками по берегам, бесконечные вереницы глинобитных и кирпичных домов с плоскими крышами, и среди них оазисами — кварталы новых четырехэтажных домов с лоджиями. Обидно только, что дома эти похожи один на другой как капли воды. Правда, чарджоуцы пытаются противостоять стандартизации — дома красят в разные цвета («Чтобы детишки не путали», — пояснила главный архитектор города Гера Алексеевна Харьковская. «Да и взрослые тоже»), вздохнула в тон ей заместитель председателя горисполкома Алма Мурадова Кочмурадова), на панелях — всевозможные изображения, рисунки, но проект есть проект, не развернешься.

Словом, поначалу я смотрела на Чарджоу такими же глазами, как приятель — на город моей юности.

Газеты, вывешенные на центральной улице, — трехнедельной давности.

Элегантные венгерские кофеварки «эспрессо» — сиявшие в магазинах — при ближайшем знакомстве оказывались сломанными.

Еще в Москве прослышала я о чарджоуских кулинарах. Ресторан «Восток» на ВДНХ, где они демонстрировали свое искусство, никогда не пустовал. Уж если за тысячи верст от родной земли сумели показать себя чарджоуские повара, думалось мне, то что же будет на месте, где, как говорится, и стены помогают!.. Но зашел в один ресторан, в другой, в кафе, в столовую и... засомневался: а не просчиталась ли высокая отборочная комиссия!..

Сколько их, таких вот «мелочей», бросилось в глаза! Ни неистовое солнце, заливавшее город (Москва в это время отбивалась от снегов и метелей), ни экзотические ишаки с экзотическими старцами, восседавшими на них с тем задумчивым покоем, с каким иные дедушки и бабушки восседают в креслах-качалках, ни базар, по-южному живой, веселый, шумный, богатый, — ничто не могло развеять моего настроения.

Но тут я вспомнил письмо, лежавшее в кармане куртки, и стало неловко за недавние мысли. Конечно, никто из нас не гарантирован от первых, поверхностных наблюдений, заключений, да ничего дурного в них, собственно, и нет: уж коли соорудили монументальные витрины, так позаботься и о свежих газетах, и блестящие заграничные кофеварки, надо полагать, тоже покупали не для украшения.

Но наряду с этими чисто внешними измерениями должно, очевидно, присутствовать и иное, более глубинное, выносное измерение жизни, которое, наверно, и определяет сущность всякого человека.

Собственно, об этом и писала в «Работницу» жительница Чарджоу Антонина Федоровна Лугинина. Поехала она в отпуск, в Иваново, в Ленинград, и ее задело, что никто почти не слышал о городе, в котором она живет. Девушки в сберкассе, куда Антонина Федоровна пришла, чтобы получить деньги по аккредитиву, озадаченно переговаривались: «Чарджоу?.. А где это? В Монголии?»

Антонина Федоровна несколько лет проработала корректором в городской газете, жизнь города в большом и малом изо дня в день протекала перед ее глазами, и ей, конечно же, хотелось рассказать людям, недоумононо взиравшим на нее, и о шелковом комбинате, который вчера еще был невзрачной фабричкой, а ныне реконструируется, расширяется и уже рассылает свою продукцию во все концы страны, и о суперсфофаном заводе, давшем жизнь новому району города, вчерашнему кишлаку, и о каракулевом заводе, известном не только у нас, но и за рубежом, о новых кинотеатрах и дворцах культуры — о многом, словом, хотелось бы рассказать Антонине Федоровне, но она понимала, что вряд ли новостройки кого поразят, потому что стройка ныне повсюду и в этом нет ничего особенного. И она со вздохом произносила магические слова: — Чарджуйские дыни, слышали, может быть?..

И все становилось на свои места. Потому что о чарджуйских дынях слышали все. Или почти все. Все сразу вспоминали о тяжелых, янтарных плодах, этих спусках щедрого туркменского лета, наводняющих осенью улицы наших северных городов.

Разумеется, исключительно «дынный» ореол не очень-то устраивал Антонину Федоровну, потому что чарджуйским дыням, наверно, уже сотни лет, а ведь есть Новый Чарджоу, но в конце концов что дурного в такой славе!.. Нежинские огурцы, владимирская вишня, астраханские помидоры, белорусская антоновка... Сколько поколений людей должны были вложить ум, талант, сметку в свои дела, чтобы они пережили века!

Эту же интонацию и небеспристрастность, которыми дышали строки письма Лугининой, все время чувствовал я и у Алмы Мурадовой Кочмурадовой, зампреда исполкома, которая знакомила меня с городом. Невысокая, полная, очень спокойная, очень веселая женщина.

Я уже неделю жил в Чарджоу. Город входил в меня, я входил в город, но все же несколько преувеличенным мне показались восторги, которые Алма Мурадова расточала Чарджоу. Особую слабость она, в прошлом сама учительница, питала к школам.

Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

— Нет, вы посмотрите только, посмотрите,— восклицала она, едва заведя новое здание школы.— Ведь хороша же!

Я в конце концов не выдержал и заметил, что новые школы, безусловно, хороши. И то, что они возводятся по типовым проектам, тоже плюс, но все же, на мой взгляд, здания несколько тяжеловаты и мрачноваты.

Я припомнил национальные туркменские одежды, которые могли бы подчеркнуть богатством и яркостью цветов и оттенков с радугой, я припомнил обломок арки, виденный в Чарджоуском краеведческом музее,— эта арка украшала некогда вход в старинный туркменский дом, и столько света, столько цвета вобрал в себя ее орнамент, что гость при одном взгляде на арку настраивался, наверно, на радостный, праздничный лад. И я сказал, что вижу потерю в том, что современная архитектура слабо использует богатейший народный опыт.

Алма Мурадова согласилась: да, это потеря, конечно... И тынь неожиданно набежала на ее лицо, она сказала что-то по-туркменски шоферу Таиру, откинувшись на спинку сиденья, замолчала.

Машина вырвалась из города, помчалась по шоссе, рассекавшему хлопковые поля.

Молчание начинало тяготить меня. Но Алма Мурадова вдруг рассмеялась. Я уже несколько раз встречался с ней и все никак не мог привыкнуть к таким вот неожиданным переходам от глубокой сосредоточенности к смеху, веселому, заразительному.

— Вспомнила, как в войну и после войны ходили по этой дороге,— пояснила Алма Мурадова.— Я тогда в обкоме комсомола работала. Дороги-то, собственно, и не было. Солончак, болота... Выходя из города, тувельки снимали, потому что они были единственные. Однажды пятьдесят пять километров так вот отшагали. Машин не было, а ишаки...— Она снова засмеялась.— Никак не могли мы к ним приспособиться.

Я воспользовался случаем, чтобы поинтересоваться, куда мы едем.

— Секрет,— ответила Алма Мурадова.

Мы свернули на проселок, миновали один кишлак, другой: ряды приземистых глинобитных и кирпичных строений с плоскими крышами, с узкими оконцами, окруженных тувовником, карагачем. Алма Мурадова и Таир спорили о чем-то, выходили из машины, расспрашивали встречных, мы снова кружили по дорогам, вздымая тучи пыли.

Алма Мурадова призналась наконец, что ищет старую школу, в которой начала работать совсем еще девочкой в первый год войны, хотела показать ее мне, и вот незадача: никак не может найти.

Она совсем было отчаялась, однако Таир не хотел сдаваться. И нам повезло: заговорили с двумя туркменами, и вдруг выяснилось, что старший — коллега Алмы Мурадовой, а младший... Младший тоже вспомнил Алму Мурадову: у нее учился его брат, ныне тоже учитель. Через несколько минут мы были уже у старой школы, вернее, у ее развалин. Обломки толстых глинобитных стен — около метра в основании — торчали из земли, и вокруг было пустынно, тихо, только издали доносился рокот экскаватора, очищавшего аркы.

Я удивился: почему школа так далеко от жилья? И мне объяснили, что раньше здесь был кишлак, но строился тогда в полном беспорядке, каждый ставил

дом или кибитку где ему вздумается, о каком-либо благоустройстве, культуре быта нечего было и думать, теперь же строят только по проекту, поэтому кишлак переехал на новое место.

Мы возвращались в город, а перед моими глазами еще стояли остатки старинных глинобитных стен, и трудно, ох, как трудно было представить, как в этих стенах, в крохотных комнатках с земляными полами, при свете коптилок, шла учеба. Город через восприятие Алмы Мурадовой неожиданно увидился мне в новом свете. Не в том только дело, что на старый глинобитный, одноэтажный Чарджоу тут и там наступают кварталы новых благоустроенных, четырехэтажных домов. Для Алмы Мурадовой все эти внешние изменения были предельно ошеломлены, за ними стояли судьбы людские и... ее собственная.

В пятнадцать лет, имея за плечами семь классов, дочь байской батрачки поступила в педагогическое училище. Училась и работала подсобницей на фабрике. Через два года, до срока, потому что учителей не хватало, уехала она в глухой кишлак. Учителемствовала, была секретарем комсомольской организации в колхозе. Чем только не приходилось заниматься! Всем, от заготовки кормов до борьбы с байскими пережитками среди мужчин.

«Даже не верится»,— любит повторять Алма Мурадова. Не верится, что ситанные часы отдавать дорого, на которую совсем недавно тратили дни и ночи, не верится, что ежегодно сдаются в городе две-три школы и двадцать пять тысяч квадратных метров жилья, что скоро появится новый Дворец культуры, что есть в Чарджоу свои техникумы, педагогический институт.

Когда я был у Алмы Мурадовой в гостях, меня угощали великолепным туркменским пловом. Я ел, нахваливал, голодом отказывался, взглядом просил добавки, а сам все перебирал зад за годом жизнь Алмы Мурадовой: километры, которые приходилось вышагивать босиком, потому что обувь берегли — нелепо руководителю выступать перед народом босым; бессонные ночи, сложную обстановку тех лет,— и все больше недоумевал, когда же это Алма Мурадова, не имевшая долгие годы ни кола, ни двора, неделями жившая одним зеленым чаем, успела постичь великую тайну плововарения. В конце концов не вытерпел, спросил.

— Недавно,— усмехнулась хозяйка.

Не так давно, в сорок с лишним лет, записалась Алма Мурадова в и в музыкальную школу. Вначале — для того, чтобы поманить за собой дочку Галочку, а затем увлеклась, потому что с детства тянулась к музыке, а вот заняться ею всерьез все недосуг было.

Смешно?.. Я не смеялся. Вдруг обнаружил, что не такой уж он и пыльный, этот Чарджоу, и не так уж неуютны его кинотеатры, магазины, я обнаружил особые прелести в кривизне его улиц, часами готов был бродить по ним, глядясь в лица прохожих, многих знавая: видел их на комбинате, на приеме у Алмы Мурадовой.

Вспоминал строчки из письма Антонины Федоровны Лугининой, и мне тоже становилось досадно, что есть вот на белом свете такой город, Чарджоу, есть такие люди — чарджуйцы, гордые своим городом, которому без малого сто лет и который стремительно растет сейчас и хорошеет, а далеко не все слышали об этом городе...

***

Все для тебя я сделала:
Оставила теплый дом,
Одела деревья в белое,
Посыпала лед песком,
Чтоб ты не смог оступиться,
Когда побежишь ко мне...
Чтоб ты не смог заблудиться —
Луну зажгла в вышине.
Ждала я без слез, без жалоб,
Казалось, прошли года...
Сама к тебе побежала б,
Когда бы знала — куда...
То радостью мир наполнен...
То вновь — ничем не помочь...
То вечер горит, как полдень,
То утро черно, как ночь.
Застыв, стою у дверей я,
Уйти не могу долой...
Ушел бы ты сам скорее,
Скорее бы ты с глаз долой!

***

Мне говорят порою:
«Много ль ты испытала?
Радости не видала,
Все в облаках витала...»

Я в облаках — летала!
С легкостью одолевала
Скалы и перевалы...
Разве этого мало?

Звезды с неба — снимала,
Шум реки понимала,
Песням твоим внимала...
Разве этого мало?

Все, что могла — прощала,
Что не могла — прощала,
Праздники — ощущала,
В будни не превращала...
Мало ли что бывало!
Разве этого мало?

***

Качаются сосны черные,
Солнце горят кусты...
Смотрю, как садятся пчелы
На срезанные цветы.
Разве они заметней
Тех, что в траве встают?
Но пчелы их сок последний,
Последний их запах пчел...
Зачем вам сюда стремиться,
Сады и луга презрев?
Вас ждет в траве медуница,
И клевер, и львиный зев...
А эти — схватили слабость,
Жар предсмертной тоски,—
Но пьют их горькую сладость
Пчелиные хоботки.
Рой над цветами весело
Не устает кружить,
А им не дожить до вечера,
До сумерек не дожить,—
Клонятся, обреченные,
В предчувствии темноты...
Смотрю, как садятся пчелы
На срезанные цветы.

ПИСЬМА О ТОВАРИЩАХ

«БРИГАДА — ОНА ВСЕ МОЖЕТ...»

Много лет я на производстве: работала на Назаровском молочном-консервном комбинате, а сейчас — на заводе железобетонных конструкций. И скажу одно: главное в работе — товарищество. От этого зависит и организация труда, и качество, и выполнение плана, ну, словом, все. В первый год послали меня на склад готовой продукции. Консервные банки со стучащим молоком мы смазывали солидолом. Работали бригадой. Ну, как же тут будешь отставать? Конечно, новичок столько не делает, сколько человек, который уже много лет проработал. Но тогда товарищи мне помогали.

Потом работала в жестяночном цехе, на станках-ножницах. Там каждый выполнял свое задание, свою норму, и я старалась не отстать от других. Когда началась стройка Назаровской ГРЭС, меня тоже поманила романтика, и я пошла работать на строительство. Была разноработчей, вырубала кустарники. Как сейчас помню — все перерито, перекопано, болото. Вечером идешь с ра-

боты, а уже темно, грязь по колено. Сейчас, когда ГРЭС дает ток, и не верится, что тут пустое место было.

На стройке я поняла, что значит работать бригадой. Там это особенно видно. И скажу так: в бригаде олять-таки важнее всего товарищество.

Люди разные. Одни хорошо работают, другие — плохо. Каждой бригаде не хочется брать, как говорится, кого попало. Но бригадир или мастер приводит нового человека и говорит: «Вот вам пополнение». И приходится учить, подсказывать. А человек старается, чтобы быть таким же хорошим товарищем, как и все. Потому, что работает в бригаде. У нас было так. Если даже пришел человек с разрядом по специальности, бригада все равно решала сначала платить ему на разряд ниже, а проработает, покажет, что он не лентяй, что знает свое дело, тогда и ему ставили одинаковый со всеми разряд. Ведь мы работаем для себя, для блага человеческого.

Я так считаю: при желании, при помощи товарищей человек всему может научиться. Идешь, например, в бригаду изоляровщиков, присматриваешься, прислушиваешься, учишься у старых рабочих да стареешься сама.

Сейчас я работаю на Назаровском заводе железобетонных конструкций в арматурном цехе. И все мы, арматурщицы, очень дружные, и потому есть в нашей работе и высокое качество и толк.

Вот, скажем, в нашей бригаде 15 человек. Работаем почти все по одному разряду. А изделия разные по сложности — есть тяжелые, есть и легкие. Как же распределить работу справедливо? Мы решили так: ни один из нас не варит ежедневно одно и то же изделие, наоборот, каждый день меняемся, чтоб никому не обидно. Если сегодня у тебя полечче задание, ты, выполнив его, не сидишь, а помогаешь тому, кто делает более сложное. Для этого изучили мы все станки в цехе и все детали, чтоб на любое место мог каждый стать. И работать так интереснее. А интерес в работе — не последнее дело.

В настоящем товариществе всегда

есть забота о том, чтоб человеку интересно было. Вот, например, пришла к нам в бригаду Людмила Клементова, совсем молодая женщина. Бригадир поставил ее вязать мотки. Сначала у нее не получалось, а проработав несколько месяцев, она так наловчилась, что стала вязать за смену пять мотков и больше. Но ведь одна и та же работа надоедает. Люда попросила переменить ей работу. Подумали и поставили ее варить арматуру для свай, учиться на сварщицу. Эта работа ей понравилась до увлечения. Люда очень старается, сейчас у нее уже 3-й разряд, а доверяют ей даже работы 4-го.

В бригаде все на виду, ничего не скроешь. Не скажут: «Иван брак сделал», — а скажут: «Арматурщик». А кому приятно, кому понравится? И вот такого бракодела начинают стыдить, позорить. Коллектив, он поможет, чтоб совесть заговорила. И не только про бракоделов речь. Был у нас в бригаде парень (уж не буду называть фамилии). Был такой передовой работник! Как лучшего отправили его в Новосибирск, учиться на сварщика-дипломиста, повесили портрет на заводскую Доску почета. И что вы думаете? Стал парень зазнаваться — знает только свою сварную работу, да и то делает ее нерасторопно. Закончил свое и выглядывает из-за угла: убрался ли бригада? А подойти, помочь другому — этого он уже не хочет: зорно ему. Зазнался человек. Тут мы ему и сказали: «Тебя коллектив в почет ввел, так будь добр, и ты уважай своих товарищей. А ты что ж! Тебя коллектив в почет ввел, но может из почта и вывести. Рабочему коллектив — это превыше всего». Ничего, понял парень — он сейчас хотя и в другой бригаде, но знаем, хорошо работает.

Вот и все мои мысли насчет товарищества. Написала я просто, как мы и в бригаде между собой говорим.

Елена БАТЬКУНОВА,
арматурщица Назаровского завода
железобетонных конструкций,
Красноярский край.

Цветы Розыгуль

Буйно разросся виноград у беседки дизельного цеха Ашхабадского тепловозоремонтного завода. Почти круглый год пламенеют кусты роз влодь дорожек. Густую тень дают каштаны и чинары. А за цехом багча: арбузы, тыквы.

— Кто вырастил все это?

— Розыгуль, — отвечает в цехе.

Не подумайте только, что Розыгуль Кашаева — садовод или огородник. Она работает обгирщицей. А за садом, за бахчой ухаживает в свободное время.

У этой пожилой женщины интересная судьба. Родилась Розыгуль в далеком, затерянном в пустыне кишлаке Ильялы. Когда девочке сравнялось 14 лет, отец решил выдать ее замуж. Вместе с попутрой, которой грозила такая же судьба, Розыгуль убежала из дома. До пристани на Аму-Дарье добирались пешком. В карманах ни копейки. С толпой пассажиров беглянки поднимались по трапу на палубу. Пожилой капитан, узнав, какая беда погнала их из дома, разрешил остаться на пароходе...

Потом Розыгуль училась в школе, работала няней в больнице. Как активную общественницу, ее избрали в райком комсомола.

В кишлаке Ильялы считали, что Розыгуль погибла. А она друг приехала к родителям с мужем Нурагды и сыном Мухамедом. Не вспоминала старого дочь, не вспоминали и отец с матерью.

Когда началась война, Нурагды ушел на фронт. Все трудные

военные годы Розыгуль жила и работала в родном кишлаке. А когда вернулись Нурагды, они переселились в Ашхабад и Розыгуль поступила на тепловозоремонтный завод. Дизельный цех стоял на сухом, выжженном солнцем пустыре. Розыгуль принесла из дома и посадила здесь первые черенки роз.

— Мое имя по-туркменски значит «цветок розы», — шутила она.

Розыгуль полюбила в цехе. Приветливая она всегда. А как хорошо поет и песни сама складывает!

Рос сад, посаженный Розыгуль. И росли ее дети. Их у нее ни много ни мало — девятая. Все уже взрослые, работают. Один из сыновей, Кошгельды, как и мать, работал на тепловозоремонтном заводе, а когда услышал о строительстве третьей очереди Каракумского канала, отправился на канал.

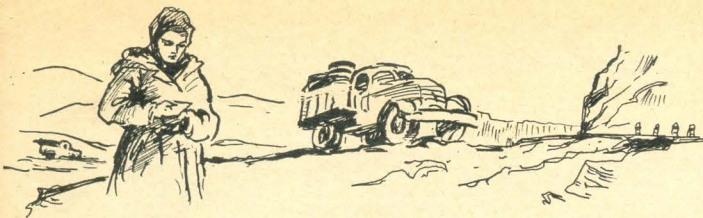
Мать все ждала Кошгельды в отпуск, но он писал: «Дел в пустыне много. Пока приехать не могу. В Ашхабад вернусь вместе с водой». Он и вправду приехал, когда канал был закончен и в Ашхабад пришло целое море воды.

На другой же день мать повела сына на завод, показала аллен из туи и карагача, увитые виноградом беседки, гордость свою — неумирающие круглый год розы, и арык, наполненный водой.

— Вот твоя вода, Кошгельды.

г. Ашхабад.

А. ЮДАНОВ

Хранитель дороги

Однажды ее привезли в районную больницу в белденелом овчинном тулупчике, с обмороченными руками и ногами. В ответ на вопросы доктора: «Как это, матушка, угораздило тебя в такую пургу в обход отправляться?» — Мария Николаевна беспомощно улыбнулась и сказала всего одно слово: «Дорога же...»

Подумала: как не понимает доктор, что ни на один день нельзя бросать дорогу, что за ней, как за малым ребенком, нужен глаз внимательный? Мало ли что может случиться? Осадку даст, или снегом ее занесет, дорожный знак или столбик свалются. А дорога, когда выведут на нее люди, должна быть в полном порядке. Уж кому про это знать, как

не ей — дорожному мастеру Третьяковой!

И муж ее Исаан Третьяков был дорожным мастером. Когда началось война, осталась Мария Николаевна солдаткой, а потом вдвой с тремя малолетними детьми и большой матерью. Она не выбирала работы — пошла на место мужа, на его дорогу.

Дороги и мосты, разбитые войной, требовали восстановления. Работы было много, людей мало. Дорожный мастер звала на подмогу женщин и подростков. Особенно тяжело пришлось, когда восстанавливали мост через реку Куму. Женщины вручную заготавливали лес. На телегах, запряженных коровами и быками,

доставляли его на место, увесистой бабой забивали сваи.

Шли годы, выросли дети Марии Николаевны. Сын Олег Иванович — майор Советской Армии, дочери: одна — мастер сыроделия, другая — ткачиха. Дети вроде бы уже не требуют ее забот. А дорога по-прежнему требует. Требуется каждый из тридцати пяти подопечных ей километров магистральной трассы Георгиевск — Зеленокумск. И на участке дорожного мастера Третьяковой всегда все в порядке: дорожно-сигнальные знаки выкрашены свежей краской, фруктовые посадки вдоль дороги раскидистые и крепкие. Не зря Марии Николаевне, единственной в Российской Феде-

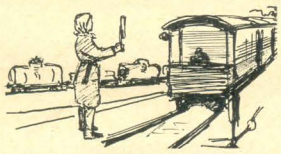
рации женщине-дорожнику, присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Дорога — покрытая асфальтом или бетоном полоса земли, — как нить жизни, связывает города, поселки, села. Вот почти неслышная мелькнула «Волга», тяжело урча, надрываясь под тяжестью груза, проплывает «МАЗ». А по обочине идет женщина, которая нет-нет да и достанет из кармана блокнот, что-то запишет и опять в путь. И так каждый день: и в снег и в зной — на посту хранитель дороги, дорожный мастер.

Н. БАСОВ,

начальник производственно-технического отдела Ставропольского краевого дорожного управления

СТРЕЛОЧНИК УЛЬЯНА ИВАНОВНА

Сам я машинист тепловоза. Но рассказать хочу о человеке другой профессии — о стрелочнике. Вот даже поговорка такая есть — «стрелочник виноват», мол, человек, от которого ничего не зависит. Я считаю — неправильная поговорка. Мне, машинисту, лучше знать, как много зависит от стрелочника.

У нас на 5-м посту работает стрелочником Ульяна Ивановна Захаржевская. Однажды разговорились мы, и она рассказала, как добивалась того, чтобы стать стрелочником, как мечтала об этом.

— Пришла я на дорогу во время войны, в сорок третьем. Просила — поставьте на стрелку. Не доверили: семнадцати мне тогда не было. Работала кубогрейкой, потом чистильницей стрелок. До чего же завидовала я своим подружкам-стрелочницам! Подает сигнал вперед — локомотив двинется вперед. Подает назад — локомотив подчиняется. А стоит только стрелочнику сделать круговое движение рукой — как все немедленно останавливается.

Наконец настал день, когда Ульяна Ивановна сдала экзамены и вышла на первое дежурство — к стрелке.

С тех пор прошло почти двадцать лет. Сколько же поездов проводила и встретила за это время Захаржевская, старший стрелочник станции Родаково!

Много лет я вожу поезда. И, проезжая мимо стрелочного поста своей станции, всегда вижу фигуру женщины с флажком в руке. Знаю, потом она зайдет в будку, где дышит теплом печки, и доложит по телефону дежурному: «Четный отправился в порядке. Хвостовой сигнал на месте». А потом, расставшись с теплом, снова отправится к стрелкам: надо их обмести, очистить, чтоб ничто не помешало ей перевести их, когда будет нужно. Каждый час прохаживает через ее пост поезда, и еще ни разу ни один не задержался по вине Захаржевской.

Если будете проезжать мимо нашей станции, помашите рукой Ульяне Ивановне — ее пост № 5.

Вл. ФЕДОРОВИЧ,
машинист,
Герой Социалистического Труда

ст. Родаково.

Тамара Михайловна Радикорская... Я чуть было не написал дальше привычные слова «уже не работает, она на пенсии», но спохватился. Что на пенсии — это верно. Но без работы Тамара Михайловна сидеть не любит. Она теперь общественный распространитель книг. Так это называется официально. А мне больше нравится другое слово — книгоноша. Тамара Михайловна приносит книги и на шахту и во Дворец культуры, а то просто раскинет легкий переносной лоток в универсаме. И чуть не каждый ее знает, с ней здоровается, спрашивает про занесенную книгу, про подписку или как прихотится и чтению своих ребятских.

А. ХАЛАНСКИЙ

г. Дзержинск,
Донецкой обл.

Есть в поселке Провидения такое предприятие — Чукотский морозеронобинат. Причливают сюда корабли — морские охотники, сдают на комбинат добычу. Технологию на комбинате работает Ухсима. Она чукчанка. Теперь это не редкость, если чукчанка работает и технологом, и врачом, и учительницей. И среди коммунистов в этих краях немало чукчанок. Но когда-то Ухсима первой из них вступила в партию. На Чукотке она очень уважаемый человек. Я сфотографировал Ухсиму вскоре после того, как ей был вручен орден Ленина.

В. КУЗЬМИН

«Человек, определивший мою судьбу»

Почти тринадцать лет мы вместе с Верониной Александровной Степановой по утрам приходим в обсерваторию. Все мы моложе Вероники Александровны и именно от нее заражаемся увлеченностью, энтузиазмом, любовью к делу.

Вероника Александровна — прогнозист-гидролог. У прогнозистов всегда полно забот. И зимой, когда на Севере бушуют метели и путицы опасаются заносов, и летом, когда ожидаются заморозки и работники совхозов и парниковых хозяйств беспокоятся о всходах. Не спится синоптику ни днем, ни ночью: оправдается ли, будет ли все так, как предсказывалось. Да и как тут уснешь, если на Онежском озере ветер 4 балла, а труглая-бунсир тянет с Севера гоним с лесом, если ждет отправление в Ленинград пассажирский «Метеор»!

Работа синоптика оценивается по тому, оправдался ли его прогноз. Но если вопреки штормовому предупреждению ураган прошел мимо или ослаб по дороге, синоптик, хоть он и получает невысокую оценку за свой прогноз, вместе со всеми радуется хорошей погоде и безоблачному небу. Гидролог-прогнозистам приходится еще труднее, потому что они должны предсказать не за сутки,

а за месяц-полтора, когда замерзнут реки, сколько воды накопится в водохранилищах на зиму, хватит ли ее для нормальной работы электростанций, каков будет паводок весной.

Не успели проанализировать небывалый разлив и описать энергетик и речники уже с новыми забобами: маловет приток воды в озеро, «салятся» горизонты в водохранилищах, с каждым днем труднее плавать большезвездным судам на Выг-озере и по каналам.

Прогнозист загодя об этом должен подумать, предупредить: «Экономьте воду, не делайте спуски, ждем низкий летний уровень». А тут и осень подошла, начинаю замораживать реки, опоздала по студеной воде шуга — бич энергетиков. Забывает она решетки водоприемников, подводящие каналы, загрохивает воде дорогу к турбинам. Прогнозист и здесь должен успеть предсказать, предупредить и даже порекомендовать энергетикам оптимальный режим работы ГЭС.

Гидрологам приходится выникать не только в тайны природы, но и в особенности работы тех, кому они выдают свои рекомендации и советы. Вероника Александровна консультирует пароходство, лесосплавщиков, энергетиков, проводит семи-

нары с капитанами речного флота.

Ошибки в прогнозном деле сплошь и рядом. Казалось бы, все учтено и сто раз обдумано, а нет — не вскрываются реки в оживаемые сроки, нет предсказанных разливов. Не все тайны вырваны у природы, иной раз и причины ошибки не отыщешь. Не у каждого гидрометеоролога хватает выдержки не испугаться, не отступить. Особенно у молодых, начинающих. И рада я, что мне довелось начать самостоятельную работу рядом со Степановой. Ее пример, отношение к делу определили мою судьбу.

Тридцать пять лет назад, когда начинала Вероника Александровна, гидрометеорологам было гораздо труднее — меньше приборов, станций, постов. Все время войны и гидропрогнозист Степанова подробно и ответственно консультировала штаб нашей армии о состоянии ледовых переправ, об особенностях режима водоемов, одним словом, помогала воевать нашим солдатам. И знает она нашу северную природу по долговому опыту. Но и не только по опыту. Вероника Александровна одной из первых применяет на практике все новое, что появляется в науке о прогнозах. Начали использовать для гидрометеорологических исследова-

ний авиацию — она первой анализирует материалы авиаледевых разрезов Онежского озера и Выгозера. О ее работах знают и в Москве, в Центральном институте прогнозов, и в Ленинграде, в Государственном гидрометеорологическом институте, в ученых трудах которого была напечатана ее работа «Ледовый режим Онежского озера и методы его прогноза».

И когда недавно Веронике Александровну наградили орденом «Знак Почета», мы радовались за нее и вместе с ней радовались признанию нашего труда.

Есть в ней большая чуждость и, я бы сказала, беречьность в обращении с людьми.

Пять лет назад мне с ребятами пришлось уйти от мужа. Вероника Александровна узнала об этом и вместе с ней радовалась признанию нашего труда. Есть в ней большая чуждость и, я бы сказала, беречьность в обращении с людьми. Пять лет назад мне с ребятами пришлось уйти от мужа. Вероника Александровна узнала об этом и вместе с ней радовалась признанию нашего труда.

Н. СЕМОЧКИНА, старший инженер группы гидрометеорологической обсерватории

Хозяйка рыбачьего стана

Все двенадцать величают ее матерью. Не «мамой», как обычно на северных станах кличут поварих рыбаки, подолгу оторванные от дома, а именно матерью. И было это непонятно и непривычно новому человеку.

Раскрасневшая от жара плиты, она угощала рыбаков. — Ешьте, ешьте, наработались за день-то... — Спасибо, мать, — густо басил бригадир.

Пришел вечер. Рыбаки осторожно ступали резиновыми сапогами по белым половам, гулко шагая по крыльцу, располагались на опрокинутой вверх дном лодке.

В этот вечер и довелось мне услышать историю хозяйки стана.

Увидел я Ольгу первый раз в правлении, у нашего председателя. Бригадир Архипыч затанцевал, полной грудью выдохнул дым. — Вошла. И все боялись взглянуть на нее — будто виноваты. Председатель дал Ольге радиogramму. Мы все ее уже знали: она упала в полосу тайфуна с борта смыло неводчика. Старший помощник Григорий Градов спас ее ценою жизни». Эта весть дошла до нее еще накануне. Говорят, голосила страшно, на веселую за ночь опустела она на стул перед председателем. Ну,

думаю, жди слез. А для меня — нож по сердцу бабын слезы. Вышел на крыльцо. Как нет. Тихо у председателя... Потом, слышал я, говорил о ней в поселке: пенсию за мужа Григория дали и будто на материк собирается и родне. И вдруг является ко мне в бригаду, стряпухой. Кто же ты думаю голубушка, дождешь. Узвезть тебе надо от моря. Разве оноло тебе успокоится тебе? Но отговаривать не стал — живи. И вот живет.

Когда мы вошли в избу, Ольга сидела за столом, чинила одежду рыбаков. Потом ушла в свой угол, за ситцевую занавеску. Сон быстро сморил бригаду. А я все никак не мог уснуть. В полутьме видел, как раздвинулась ситцевая занавеска. Ольга в платке, наинитом на плечи, тихо-тихо, на цыпочках прошла к двери. И только часа через два я снова услышал ее шаги на крыльце. Куда же она ходила? К морю? Больше здесь идти некуда. Морю, может, именно оно и лечит ее тоску? Детей-то у них с Григорием не было.

А утром Ольга снова хлопотала по хозяйству и вместе с парнями подсмеивалась над чертыхающимся Родей, который пытался натянуть Сенечины сапоги. Их ему каждый вечер шутники подставляли. Лишь однажды сапог не принимал участия в общем веселье.

— Вставай, вставай! — прикрикнул Архипыч. — Что-то ты залежался сегодня, Сенечка младший! Бригаду заведешь у него нет. Сенечка еще учится в школе, в летние дни пришел на путину — подработать.

Обожди. Не видишь, какой красивый, уж не заболел ли? — Ольга наклонилась над Сенечкой. — Ну что, милон, загрустил?

Знобит что-то... пересохшими губами прошептал Сенечка.

Ольга нашла в аптечке аспирина, заставила выпить.

К вечеру Сенечке стало хуже. Решили доставить парня в больницу. Но катер за рыбой придет только завтра, после полудня. Так долго ждать нельзя. Сухопутьем над берегом моря — километров тридцать.

Размышления Архипыча прервала Ольга.

— Вот что я скажу, Сенечку надо сеять как нести в больницу. Я знаю тропу через перевал. Мне троих нужно. Кто пойдет?

Среди рыбаков не было робких. Но на предложение Ольги отозвались не сразу: ночью по узкой тропе идти через перевал было опасно. Прежде чем вызваться, обсудили каждый шаг. Потом обили носилки, приделали лямки. Ольга надела сапоги и туго повязала платок.

— Мы без тебя, — сказал Родя, — не женское это дело.

И было в Ольгином «пусти» столько решимости, что никто больше не осмелился возражать.

Вспоминая на следующий день о ночном переходе, Архипыч восхищенно вздыхал: «Вот чертова баба!»

Через неделю вернулся выздоровевший Сенечка. Ольга по этому случаю испекла пироги. И, подавая их на стол, даже не пела, а поговорила.

— Отшлю, кажется, наша мать, — тихо заметил Архипыч.

Г. ЛИСИЧКИН

п. ОХОТСК.

МЫТАРСТВА

А. НУРПЕЙСОВ

Люди, недавно приехавшие к морю из степей, к соленой прибрежной воде привикали медленно. Питьевую воду они возили обычно из Акбаура. Акбаур был далеко от берега.

— Эй! Ты сегодня поедешь за водой?
— Очень мне нужно...
— Да ты что, обалдела? В доме и глотка воды нет!

— Раз нет, ты и поезжай.
— Я в прошлый раз ездила.
— И сегодня поедешь. Ничего с тобой не станет,— ухмыльнулась Балжан.

Она сидела, развалившись, рядом с Тулеу, прижималась к нему теплым упругим боком, почесывала ему спину. По лицу ее бродила наглая усмешка.

Кенжекей опешила. Кровь ударила ей в голову. Полными слез глазами она быстро взглянула на Тулеу. Он сидел, подложив под бок подушку, похрапывал от удовольствия и бормотал иногда вполголоса:

— Левее, левее... Пониже! Во-во!..
Кенжекей отвела взгляд, потупилась. Никогда она не ненавидела Тулеу так, как сейчас. Передохнув, она яростно поглядела на Балжан. Та сидела как ни в чем не бывало, ласкалась к мужу, буд-то никого, кроме них, в доме не было. Господи, с каким наслаждением бросилась бы сейчас Кенжекей на эту молодую, полнотелую, заласканную соперницу, как бы она расцарапала ей всю морду, выдрала бы все волосы! Да где там броситься. Выругать как следует и то нельзя. И от ярости, от бессилия Кенжекей заплакала, заплакала едко, злобно...

— Ну? Чего сидишь! Или не слыхала, что сказали? — начинала свирепеть, крикнул Тулеу.

— Что мне — каждый день ездить, да?

— Ах ты, сучка! И каждый день поедешь! А ну, живо!

Кенжекей дернула плечами, упрямо отвернулась. Тогда Тулеу, отпихнув Балжан, вскочил, схватил Кенжекей за ворот и, душа, поволок к двери. Маленькая дочь Кенжекей испугалась до смерти, завизжала, уцепилась за материнский подол, поволокалась за ней, суча ножками и закатываясь. Тулеу остановился, дал девочке пинка, опять потащил Кенжекей, пиная ее на ходу коленом, дотопил до двери и изо всех сил бросил за порог.

— Убью, стерва! Убирайся!

Возбравшись на верблюдицу, Кенжекей погнала ее в степь, в сердцах колотя верблюдицу по чему попало. Кенжекей задыхалась от слез, от жгучей обиды. И ей казалось, что она Тулеу колотит, и от этого становилось легче. Перевалив через черный бугор за аулом, она схватилась за голову и заголосила на всю степь, дергая себя за волосы и раскачиваясь.

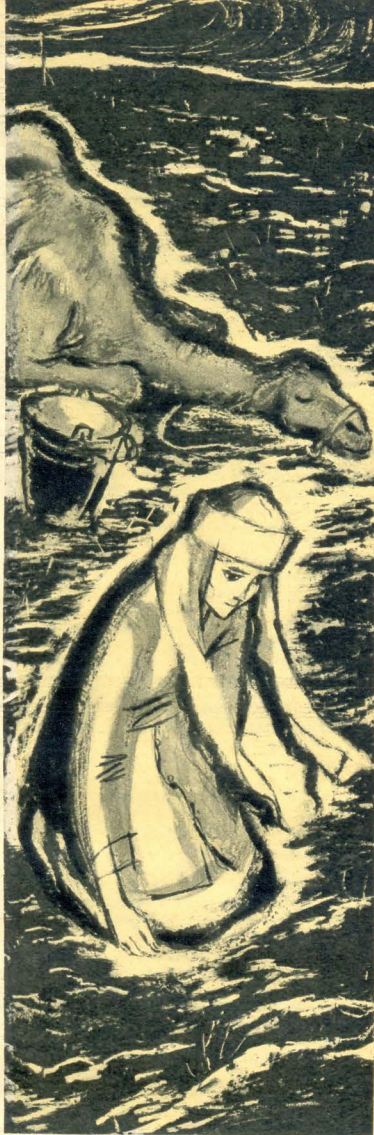

Рисунок Н. БОРИСОВОЙ.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

Первая часть трилогии А. Нурпейсова — роман «Сумерки» вышел в 1966 году, выдержал с тех пор несколько изданий, был опубликован за рубежом и теперь экранизируется.

«Мытарства» — вторая часть трилогии. В этой книге автор рассказывает о судьбах приаральских казахов накануне революции.

Как и первая книга, «Мытарства» в общем-то грустный роман, потому что много дурного и тяжелого было в тогдашней жизни народа.

Герои романа — Кенжекей и Акбала — являются собирательными образами женщин назакского аула, презираемых даже в собственном доме.

В публикуемом отрывке рассказано о судьбе Кенжекей.

День был хмур. Вчерашняя черная буря улеглась, стихла, но еще присутствовала во всем, как будто остановилась на минуту и обернулась, чтобы посмотреть, что удалось ей сделать на земле. Все вокруг насушилось, небо плотно обложили тучи. Холодно кружились снег. Земля была темна. Корявые, клякчатые корни бурой полнины оголились.

Подъехав к колодезю, Кенжекей отпустила верблюдицу и начала набирать воду. Она торопилась, но верблюдица нетерпеливо вытягивала шею к ведру, мешала ей, облизывалась, показывая, что хочет пить. Кенжекей несколько раз отмахивалась от нее, потом рассердилась и ударила пустым ведром по морде. Пугливое животное мгновенно вскокило. Кенжекей резко дернула за поводок-буйду.

— У, подлая! Чок! Чок!

Верблюдица заревела. В ее реве была такая боль и тоска, что у Кенжекей сердце зашлось. Она вдруг близко во всех подробностях рассмотрела морду верблюдицы, увидела слезы в ее глазах, увидела зачервивевшие ноздри, и ей стало жарко от стыда. Торопливо бросилась она с ведром к колодезю. Верблюдица жадно окунала морду в воду, но часто отрывалась и отфыркивалась — холодная вода жгла ей ноздри, и было видно, как ей больно.

И Кенжекей подумала, что обе они одинаково несчастливые. С тех пор, как перебрались они к морю, все тяготы большой семьи легли на обеих. На верблюдицу жалко было смотреть, такая она была изнуренная, забитая. Оба горба уныло повисли, шерсть под мышками слиплась от пота, мыльные полоски пота спускались во впадине брюха, подгрудок облысел. Недавно Тулеу безобразно обкорнал пыльную шерсть на шее верблюдицы, чтобы сделать себе на зиму теплые стельки.

Напившись, обессиленная верблюдица положила голову на землю и закрыла глаза. Кенжекей все не двигалась. Только сейчас заметила она, до чего довела ее любимицу. Долго и печально глядела она на верблюдицу и вдруг стала думать, что не стоит, пожалуй, осуждать ни мужа, ни соперницу Балжан, что нет смысла на них обижаться. Ведь все равно сильный всегда издевается над слабым. И не нужно быть строптивой. Сколько вон претерпела рыжая верблюдица из-за своей строптивости! Сколько раз хлестали ее чем попало Тулеу и Калау! Один раз чуть не проломил голову, а глаз один и до сих пор стянут веком — повредили.

А ведь и хороша же была когда-то верблюдица! Высокой, статной, своенравной была она. Нежная светло-желтая шерсть ее мягко, волнисто золотилась под ветром. Кенжекей как сейчас помнит: появилась верблюжонок на свет зимоу. Какая радость была тогда в доме! Каждый день начинался со счастья: родился верблюжонок! Целими днями она вертелась возле маленького, тонконогого, рыжего верблюжонка, глядела ему в чистые, большие, смолотые-черные глаза. То и дело ей казалось, что верблюжонок вот-вот упадет, не удержится на тонких, слабых ножках.

Верблюдица тогда совсем озверела, стала лютой, дикой и никого к себе не подпускала, кроме скотницы, доившей ее. Стоило кому-нибудь подойти к ней и верблюжонку, она начинала скрежетать зубами, свирепо плевать, и гла-

за у нее наливались кровью, горели, как у волка.

Телилась она тяжело. А потом, ослабшая, дрожащая, тихо, страстно постанывая, лизала, обнюхивала верблюжонка, еще мокрого, дымящегося, скользкого.

Кенжекей плакала, целовала мать и отца и уприсала все-таки: взяли верблюжонка в дом. И тогда настало для нее самое счастливое время. Она засыпала и просыпалась с мыслью о верблюжонке. Она ухаживала за ним, читала, меняла подстилку и кормила из рук. И тоненько смеялась и вскрикивала, как от щекотки, когда он тыкался мягким плюшевым носом ей в ладони. Когда Кенжекей отгоняла его, он сердито вытравлял шею и брызгался теплыми слюнами.

В доме все видели любовь Кенжекей к верблюжонку и тоже полюбили его особенной любовью и ухаживали за ним, как за священным животным. Других верблюжат рано отлучали от матерей, а рыжий любимец уже годовальным все еще сосал мать. Ноздри ему пробились тоже поздно. На нем не ездили. Верблюжонко вырос и превратился в красивую, статную, пышношерстную верблюдицу.

Выросла и Кенжекей, стала девушкой на выданье. Когда ее засватали, рыжую верблюдицу пригнали из степи, покрыли нарядным ковром. Голову украсили перьями филина, нагурили приданым девушки, а невесту посадили в калауш между горбами.

Верблюдица всю дорогу вздрагивала, пугливо озираясь по сторонам. Кенжекей подумала, что это плохая примета, и, сама предчувствуя беду, хотела пересест на коня, но постеснялась, а к мужу обратиться не постеснялась. Из-под свадебного покрывала она несколько раз взглядывала на свою дженге¹, моля бога, чтобы и та взглянула на нее и поняла, как ей страшно, но та, окруженная девушками, что-то весело им говорила, хохотала и не смотрела на Кенжекей.

«Неужели, еще не проводишь, она уже забыла меня?» — горько думала Кенжекей. Еще не расставшись со своей родней, она уже чувствовала одиночество. Коротка, ах, как коротка девичья пора! Еще не успев стать женой, Кенжекей уже знала, что навсегда, на всю жизнь, до смерти расстанется с веселой жизнью любимой дочери в родительском доме, что впереди у нее совсем другая, горькая жизнь. Родители провожали ее недалеко, за аул, а там передали повод рыжей верблюдицы коренастому мрачному джигиту. И Кенжекей, украдкой глотая слезы, поняла, что отныне ее судьба в его руках. Одно было неведомо, какова же будет эта судьба. Ей даже думать об этом было страшно. С ужасом глядела она, как молча принял повод верблюдицы из рук родителей черный крижистый джигит, ее муж.

Тогда она робко отмахивалась от мрачных предчувствий, утешала сама себя — ведь, расставаясь с родителями, ехала она к новой родне. Ей хотелось быть в пути рядом с мужем, ехать вместе, говорить с ним. Но он был угрюм и молчалив, будто жену навязали ему силой.

Она разглядывала его сверху. Ей нравилась его крепкая, литая фигура, его

сильная шея. Ей хотелось любоваться им, радоваться, что он достался именно ей. Но, увидев его руку, покрытую у запястья черной густой шерстью и крепко стиснувшую плеть, Кенжекей холодела. От его круглого затылка веяло холодной, тупой силой, и она тогда же поняла, что жить ей с ним будет нелегко...

Мерно покачиваясь на верблюдице, разглядывая своего мужа, она несколько раз возвращалась мыслью к первой ночи с ним. Три дня длился той. Только на четвертый, уже за полночь, развлеклись гости. Усталая Кенжекей с ног валилась, даже раздвела как следует не смогла, еле добралась до постели. В голове у нее билась какая-то жила, стоял звон и круги шли перед глазами. Никто к ней сначала не входил, и она стала уже засыпать, когда пришла ее дженге. Прижавшись к Кенжекей, щекоча ее, она зашептала на ухо:

— Ну, милая моя, такова воля божья... Готовься! Женщины ведут его сюда...

В шепоте ее слышались зависть и похотливость. Кенжекей не успела ничего ответить. Дженге быстро вскочила, взяла светильник и вышла. За юртой слышались шаги многих ног, шепот, смех. Потом все смолкло. Но вот кто-то грузно зашагал к юрте. Под ногами идущего сухо потрескивала трава. Скрипнула дверь. Тяжелое дыхание раздалось в темноте юрты. Осторожно переступая, он в темноте ошупью искал ее постель. Кенжекей свернулась в клубок, напрягла и прижалась к стенке юрты, обеими руками зажимая одеялом рот. Потом она затаила дыхание и начала дрожать. Тяжело дыша, он нащупал наконец постель, стал раздеваться, скрипя сапогами, шурша одеждой. Не издав ни звука, он кинулся в глубь постели, к стенке, туда, где — он знал — притаилась она, и подмал ее под себя, больно выворачивая руки, расталкивая коленями ноги...

На другой день она ходила, опустив глаза, а в его сторону и вовсе не могла смотреть. Она знала, что произошло что-то серьезное, важное в ее жизни, но чувствовала только стыд и тупую боль внутри себя.

А потом они ехали по степи день и два, и он молчал... Свадебное кочевье поднималось к Ханским хребтам. За хребтами открылись зеленые луга. Небольшое озеро слюдянисто сверкало, млело под солнцем. Здесь, на не вытоптанном скотом, свежем и чистом травянистом поле, недавно расположился аул. В ауле уже давно и с нетерпением ждали невесту. Как только показалось свадебное кочевье, из всех юрт высыпали люди. Девушки и молодые женщины в ярких одеждах, в саукеле и чолпонах шли веселой, разноцветной толпой. Опираясь на клюки, тасчили за ними старики и старухи. Впереди всех, подняв галт на всю округу, мчались голоногие ребятишки. Увидев яркую, шумную толпу, верблюдица нервно прижала уши, начала шумно сопеть, раздувая ноздри. Норовя вырваться, она, задрвав голову, заходила вокруг всадника, который вел ее в поводу.

Кенжекей окружили старухи, начали бросать ей шашу, баурсаки и курт. Верблюдица шархуналась, вырвала повод и помчалась в степь. Кенжекей вцепилась в тюки, зажмурилась и начала молиться алаху. На секунду открыл глаза, она увидела, как все мещается и кружится — белые юрты, нарядная толпа, скот на выпасах... Падая с верблюдицы, Кенжекей успела подумать, что вот и

смерть и конец, и больше уже ничего не помнила.

— Надо мне было тогда разбиться! — вслух сказала она и грустно оглядела степь.

Но она не разбилась. Разбилась свадьба. Разбилась жизнь. Уже потом она узнала, что случилось с верблюдицей. Обезумевшая, та металась, прыгала из стороны в сторону, брыкалась, раскидывая по всей степи девичье приданое. За ней погнались конные джигиты, еле поймали, стали нещадно избивать сомилами², потом кое-как связали и приваляли домой. Тулеу ругался, хотел тут же ее прирезать, но не позволила мать. Так рыжая верблюдица первый раз была наказана за свою строптивость... Ну, а она, а Кенжекей в чем же виновата, за что карает ее судьба?

— Ничего плохого я ему не сделала! — прерывистым от слез голосом сказала Кенжекей, сидя на корточках и ковыряя палочкой землю.

Рыжая верблюдица между тем давно уже подобрала всю поляну вокруг себя. Вставать ей не хотелось, и она некоторое время грызла и лизала, вытягивая шею, уже обкусанные былья. Потом неохотно, грузно поднялась, качаясь из стороны в сторону.

Обернувшись, Кенжекей увидела, как, волоча поводок, ее верблюдица уходит все дальше и дальше.

— О несчастная моя головушка! О разнесчастная доля моя!

Путаясь в длинном подоле платья, Кенжекей помчалась по степи за уходящей верблюдицей.

На ходу хватая траву, рыжая верблюдица подавалась в сторону Бел-арана. Оглянувшись, увидела она сзади бегущую с развевающимся подолом свою хозяйку и сперва прибавила шаг, а потом перешла на легкий, расквашивающийся бег.

Кенжекей протягивала руки и ласково звала, задыхаясь от беге:

— Милая! Милая!

И тут же вполголоса:

— У, что тебя разорвало, проклятая!!!

И опять — громко:

— Дорогая моя! Постой, сокровище мое! Милая!

И тихо:

— Будь ты проклята до седьмого колена, стерва!

Верблюдица немного приостановилась, послушала хозяйку, потом повернула голову к ветру и опять побежала к Бел-арану. Сторона возле Бел-арана была совершенно безлюдна. Там обитали воры и рыскали волки.

Вспомнив о ворах и волках, Кенжекей совсем перепугалась и бежала, не отставая от верблюдицы. Пот заливал ей глаза, ноги одеревенели, волочились, она задыхалась, но все бежала.

— Чтоб ты подохла, рыжая! — кричала теперь что есть силы Кенжекей, падая и опять поднимаясь. — Чтоб ты забесилась, проклятая!

Скоро голос ее сорвался, в горле совсем пересохло. Бурдюк на верблюдице наконец перетянул бочку. Ноша глухо брякнулась о землю. Испуганная верблюдица засопела и понеслась, высоко закидывая ноги. Выбившись из сил, задыхаясь, Кенжекей упала и больше не поднимала головы.

Перевел с казакского
Юрий КАЗАКОВ

¹ Дженге — невестна, родственница.

² Соид — пастушья палица.

БАЛЛОВСТВО или РАЗРЯДКА

Райот Силле — заместитель директора Научно-исследовательского института эпидемиологии, микробиологии и гигиены Министерства здравоохранения Эстонской ССР, кандидат медицинских наук. Свою научную работу Р. Силле посвятил теме двигательной и физической нагрузки детей. С его опытом и наблюдениями, основанными на многолетней практике работы с детьми, мы хотим познакомить читателей.

Нижие мы печатаем беседу нашего корреспондента Е. Семеновича с Р. Силле.

— Родители часто сердятся, когда их дети затевают шумные игры, возню. А некоторые из них, особенно мамы и бабушки, считают, что чрезмерная, по их мнению, подвижность ребенка до добра никогда не доводит. А вы, товарищ Силле, как думаете?

— Ох уж эти мамы! Мне не раз приходилось слышать от них: «Мой-то носится по двору как угорелый. Поэтому и тощий — кожа да кости». Знаю беда — не накопишь мирал. Не худоба ребенка должна больше беспокоить родителей, а его лишний вес.

— Разве плохо, когда ребенок прибавляет в весе, становится упитанным?

— Если вес увеличивается за счет мышечного «материала», — это хорошо. А если ребенок «округлился», стал «пухленьким», — это никуда не годится. Прежде всего надо задаться сердце, которому лишний жир дает дополнительную нагрузку. Кроме того, ожирению всегда сопутствует вялость и малая подвижность, а это, как правило, признак тяжелого заболевания, именуемого гипотиреозом, иначе говоря, недостаточностью двигательной активности.

Родителям спокойнее, когда их дети не шалят и не шумят: меньше синяков, порванных штанишек и разбитых ботинок. Но скванность, инертность в этом возрасте противостоят и даже вредны. У тех, кто много двигается, крепче кости, больше объем легких, лучше работает сердечно-сосудис-

тая система, нормальный обмен веществ. В движении жизнь — по истине. Приведу такой классический пример: заяц и кролик похожи друг на друга, но кролик ведет «сидячий» образ жизни, а заяц все время в движении. Поэтому и сердце у зайца значительно больше по объему, здоровее, оно более продуктивно перекачивает кровь в организме.

— Пожалуйста, расскажите нашим читателям более подробно, что такое гипокинезия.

— Я уже говорил, что гипокинезия — результат недостаточной двигательной активности.

При этой болезни ухудшается способность мышц сокращаться, изменяется химический состав мышечных белков, из костной ткани вымывается кальций и кости становятся хрупкими. Особенно тяжело сказывается болезнь на сосудах и сердце, на нервной системе. Болезненные изменения в результате гипокинезии обратимы, но лечение будет более эффективными и быстрыми, если болезнь не запущена. Иногда родители, сами того не подозревая, способствуют развитию этого заболевания у своих детей. Характерная картина — ребенок возвращается из школы, и ему дается строгий наказ: «Немедленно садись за уроки». Школьники устают, они четыре или пять часов провел за партой, ему бы побегать на улице. А он сидит час, другой, третий, голова уже не соображает, спина ноет, ноги затебли.

Школьники значительно лучше и быстрее готовят бы уроки, если бы после обеда побегал часа два во дворе, на свежем воздухе. Постепенно ребенок привыкает к сидячему образу жизни; без свежего воздуха, без движения организм ослабевает, и каждый лишний шаг стоит ему уже больших усилий.

— Согласитесь, товарищ Силле, что во время учебного года у ребят ограниченные возможности для игр и занятий в школе, потом подготовка к урокам. На это уходит много времени.

— Я все это учитываю и поэтому категорически настаиваю на энергичной физической разрядке. К сожалению, вынужден признать, что во многих школах учителя не разрешают детям бегать даже во время перемен. Да и то сказать, мало пользы от бега по пыльным коридорам. В перерывах между занятиями нужны движения на свежем воздухе.

— Думается, что практически это невозможно: пока оденутся ребята, перемена кончится.

— Пальто не нужно, достаточно взять шапку, шарф и варежки. Предвижу, что это вызовет много возражений со стороны родителей. И все же я утверждаю, что в средней полосе России, где температура воздуха зимой колеблется от — 10 до — 15 градусов, ребенок может пять — десять минут бегать по двору без пальто. Ничего страшного с ним не произойдет. Мы специально занимались изучением этого вопроса в своей базовой школе. Вот уже несколько лет здесь все перемены ученики проводят на школьном дворе. Для этого понадобилось продлить перемены на пять минут. На улице проводим физкультуру. В некоторых школах, даже в тех школах, где есть специальные спортивные залы, большинство уроков физкультуры надо проводить на свежем воздухе, а если в школе нет зала, то ввиду единственности пока выход: оборудовать спортивным инвентарем школьный двор и там проводить занятия физкультурой, а не в коридоре, как многие делают. В результате студентские заболевания значительно снизятся, а работоспособность детей увеличится. Учителя нашей базовой школы уже убедились, что к концу дня ребята так же внимательны, как и в начале занятий, и на последнем уроке воспринимают материал ничуть не хуже,

чем на первом. О дисциплине и говорить нечего: ребята получают достаточную двигательную зарядку во время перемен, поэтому и на занятиях становятся собранные. Правда, в первые дни, возбужденные прогулкой, они шумно вели себя на уроках. Но потом все вошло в норму, ребята привыкли и после перемены быстро уснаждаются.

— Итак, вы утверждаете, что все без исключения дети должны как можно больше двигаться, прыгать, бегать, заниматься физкультурой. Но есть ослабленные и больные дети.

— Вот мое мнение, основанное на опыте: нет детей, которым противопоказана физкультура. А слабым даже больше, чем здоровым, необходима физическая нагрузка и двигательная активность. В школе, о которой я только что рассказывал, произошла такая история. Дочь учителя физкультуры Василия Кюлетса была серьезно больна: осложнение на сердце после ангины. Девочку то и дело увозила из школы «Скорая помощь». Приспав, голышом зорьва не спало. Тогда Василий Кюлетс решил помочь дочери. Зная, что физические упражнения заставляют внутренние органы работать четче, ритмичнее, он разрешил дочери ходить в школу на физкультуру. Сначала делала только самые простые упражнения и не так долго, как остальные ребята. Постепенно упражнения усложнились, а продолжительность занятий увеличилась. И концу учебного года девочка уже занималась наравне со всеми ребятами.

Врачи, наблюдавшие все это время за девочкой, удивлялись тому, как быстро она поправилась. Сейчас Хельга забыла о своем недуге. Она даже стала посещать секцию легкой атлетики.

— Но дети все же приносят записки от врачей: «Основободен от занятий физкультурой». С врачами спорить довольно трудно.

— У врачей бывает опасение, не лишены основания некоторые предостережения физкультуры склонны предъявлять ко всем детям равные требования, не учитывая их возможности. Вот поэтому мне хочется сказать тем родителям, у кого дети слабые, неподвижные: идите к врачу не за спонной о полном освобождении, а за рекомендациями, какие упражнения и в какой дозе полезны ребенку. Эти рекомендации врача должны стать обязательными для учителей. Физкультура и спорт это как лекарство, которое без рецепта врача принимать не следует, особенно если ребенок страдает каким-либо недугом. Занятиями с ослабленными детьми должен руководить специалист: учитель физкультуры, тренер или врач.

— Врачи обеспокоены еще одним заболеванием, которое, к сожалению, нередко встречается среди школьников. Я имею в виду сколиоз — патологическое искривление позвоночника. — Да, об этом следует сказать особо. Родители, как правило, мало обращают внимания на осанку ребенка. А между тем хорошая осанка имеет не только эстетическое, но и огромное физиологическое значение. От умения правильно сидеть, держаться, ходить зависит положение внутренних органов — легких, сердца, печени, — а следовательно, и их нормальная работа. Поэтому ни в коем случае нельзя свозз пальцы смотреть. Например, на сутулость, которая в конечном итоге приводит к тяжелому искривлению позвоночника. В таких случаях надо немедленно обращаться к врачу. Если болезнь не запустится, она излечима, и главное лекарство опять же специальные физические упражнения.

Как видите, занятия физкультурой, спортом помогают детям расти здоровыми. А здоровый ребенок всегда весел, жизнерадостен, уверен в себе.

КЛЮЧ от СКАЗКИ

Анна Николаевна Королькова.

Как-то перелистывая справочник Союза писателей, я встретила новое для себя имя: Королькова Анна Николаевна, Воронеж, фольклорист. Но что за этим? Труд учено-диалектолога или фольклориста? А может быть, сказочника. Сказкописателя, как называл Даль людей, собирающих и записывающих сказки.

И то и другое интересно. После звонка в Воронеж запас моих сведений о Корольковой расширился. Оказывалась, она последняя оставшаяся в области сказительница. «Ее имя и в энциклопедии упоминается,—не без гордости сообщили мне,—и в ученых трудах».

Не часто в наши дни встретишь живую сказительницу. Тем более в таком крупном индустриальном и университетском центре, как Воронеж.

Итак, поездка к Корольковой решена.

* * *

Отправляясь к истокам сказки, мне, естественно, хотелось, чтобы и сам Воронеж оказался неким сказочным Лукоморьем.

Но город, несмотря на свою древность (основан в XVI веке), произвел на меня впечатление молодого и очень современного. Улицы полны народом. Множество приятных юных и по-настоящему интеллигентных лиц. Воронеж университетский, студенческий как бы задает тон всему, что видишь вокруг.

Но меня на этот раз тянет к старине. И я подолгу задерживаюсь на памятнике Петру I, который некогда заложил здесь верфи, то у домика поэта Кольцова...

Возможно, потому, что я настроилась на старину, из множества прекрасных улиц мне больше других приглянулась улочка, которая неожиданно заканчивалась обрывом. Два ряда невысоких деревянных домов. За ними река, низкое зимнее небо и всегда маящая синь лесных далей.

Может быть, где-то там, «за горами, за долами», и раскинулось село Старая Тойда—родина Анны Корольковой, где она получила в наследство заветный ключ. Ключ от сказки.

Но об этом позже.

* * *

Раз, а может быть, два раза в году она надевает свой самый нарядный костюм, белоснежную крепдешинную блузку, повязывает голову лучшим полшалком и отправляется в город.

Накануне держится загадочнее, чем обычно: то усмехнется про себя, то раздвинув стекла шкафа, снимет с полки первую свою книжку, за ней вторую, третью... Откроет, где случится, глянет и тут же поставит обратно.

Дочери Сима и Тамара (вообще-то у Анны Николаевны было семеро детей, но сыновей она потеряла: одного в детстве, другого на фронте; остались лишь пять дочерей и только две, младшие, живут с нею) понимающе переглядываются.

— Не в редакции ли собралась, мама? — наконец не выдерживает Сима.

— Чем бездельничать спрашивать, лучше подай мою папку. Только не нарушь там ничего.

— Какую, мам?

— Да ту, что еще Валя переписывал.

Валя—старший и потому, может быть, самый любимый внук Анны Николаевны. Он больше других вникал бабушке: записал под ее диктовку несколько сотен сказок и поговорок. Сейчас он инженер-плановик, сам растит сына и к бабушке заглядывает реже.

Сима отыскивает и подает матери нужную папку, и Анна Николаевна надолго склоняется над столом, перебирая и сортируя рукописи.

...Поутру она поднимается раньше всех. Дочки застанут ее уже вполне готовой к выходу, у зеркала.

— Что ты в такую рань, мама?

Анна Николаевна, разглядывая себя, вздыхает:

— Ох и стара я стала, девочки, ох и страшна!

— Да будет тебе, мам! — подбегает Тамара.— Да ты у нас самая из молодых молодая!

— Будто? — Анна Николаевна распрямляется, поводит плечами и, ставив с головы платок, плывет, помахивая им, мелкими шажками по комнате.

— А ты говоришь, состарилась! — смеются дочки.

Вслед за Симой и Тamarой, которые отправляются на завод, выходит из дому и Анна Николаевна. И тотчас под ногами вырастает мальчуган лет пяти, словно он только и дожидался ее появления:

— Бабушка, а баушки, расскажи сказку!

— Сказку, милоч, не могу, времени нету, а загадку, если хочешь, загадаю: две петельки, четыре копытца да один пятачок. Кто это?

Малыш сосредоточенно морщит лоб.

— Подумай, подумай! А вечером отгадаю тебе скажешь.

Мальчишка убегает. Анна Николаевна же подходит к остановке, садится в троллейбус номер четыре, который идет чуть ли не через весь город, и с интересом глядит по сторонам, примечая все новое: и дом, и асфальт на мостовой, и стечд с картой их Левобережного района.

Тридцать с лишним лет живет она в этом городе. В начале войны рыла окопы, чтобы преградить путь фашистским захватчикам. Во фронтовом лесу выступала со своими

сказками и песнями перед бойцами. А когда война кончилась, ревниво следила за восстановлением города, ставшего еще более родным.

Троллейбус между тем, переехав реку Воронеж, оказался в центре города. Отсюда уж рукой подать до здания, в котором помещаются Воронежское отделение Союза писателей и редакция журнала «Подъем».

Из редакции, где пообещали напечатать две ее сказки, Анна Николаевна вышла, когда неяркое солнце, с трудом пробиваясь сквозь облака, висело над крышами. Искрился снег, посверкивали на поворотах, отражая солнечные лучи, автомобильные фары. Воздух был прозрачен и свеж.

Анна Николаевна решила немного пройтись. В последнее время не часто приходится попадать в город: все ж, что ни говори, а в феврале исполнится семьдесят шесть...

Навстречу идет компания молодежи. Анна Николаевна замечает невесту с женихом. На голове девушки, несмотря на холод, пенное кружево фаты.

Анна Николаевна торопливо роется в кошелке, находит серебряную монету и, вложив ее в ладошку девушки, говорит:

— Это на богатство тебе. Будь счастлива! — Спасибо! — улыбается невеста, может быть, и знающая старинный обычай дарить молодым серебро, а может, и просто от полноты счастья.

Анна Николаевна не на шутку озабочена тем, что на Руси стали забывать народные традиции.

— Сколько красоты и таинственности было в старинном свадебном обряде,—говорила мне она,—как хороши песни застольные, хороводные, величальные! Я внуков своих ставила весь народный свадебный обряд записать. Может, и поинтересуются когда нынешние молодые, как венчались их деды и прадеды, бабки и прабабки. А пока жива, пусть ко мне приезжают. Все песни обрядовые, какие зная, сыграю с превеликим удовольствием.

Действительно, Анна Николаевна бережно хранит в памяти не только множество сказок, она еще и песельница.

Задолго до войны, вскоре по приезде в Воронеж, организовала она хор при клубе завода имени Кирова, где работал ее муж. Хор был женский. Пели в нем работницы и домашние хозяйки. А в военные годы Королькова была одной из создательниц другого хора, который впоследствии стал известен как Воронежский государственный русский народный хор.

Вот как сама Анна Николаевна рассказывает об этом:

— Приехали мы с мужем и детьми, это когда враг уже под самым Воронежем стоял, в мое родное село Старую Тойду. И надумала я хор организовать.

Встретила в тот день у колодца бабу нашу одну, Матвеевну ее кликали, и говорю: «Давай приходи авечеру, споем». «Да у меня сын на войне»,—отвечает,—«не до песен». «Знаю»,—говорю,—«и у меня сын на войне». Но Тимофеевна и слушать не стала, махнула рукой и пошла. А я не успокоилась. Отправилась по домам. Посулила бабам, что партизанам да воинам со временем петь будем. Они и потянулись в хор. И Тимофеевна немного погодя пришла. Пели это мы, пели, без музыки, конечно, где ее возьмешь в лихое военное время? Я заводила, а бабы подхватывали. Вдруг, глядя, в местной газете сообщение. Так, мол, и так, Королькова хор организовала, нужное, мол, дело. Выходит, одобрение нам вышло. И у меня на душе сразу полегало. Потом-то нас и в Ярославль на смотр приглашали и в Москву. И насчет передовой я свое обещание сдержала. Не раз мы езд-

ли и в госпитали и прямо на фронт. И всюду хорошо, даже душевно нас принимали...

В репертуаре этой своеобразной женской агитбригады были и старинные песни Воронежской области, и современные, и частушки. Были песни и сказки, что сложила сама Анна Николаевна. Среди них сказки об Отечественной войне: «Волк-лодоед», «Мудрая мать» и многие другие.

Совсем не просто было ей, в ту пору почти пятидесятилетней женщине, оставлять детей, мужа, свой дом и без того не очень-то сытый, а без хозяинок тем более, и пробираться со своими певунышками на передовую. Некоторые из тех, прежних хористок и сейчас живут в Воронеже.

...Однажды, подходя к дому Анны Николаевны, я увидела у ее окон толпу ребят. Самые активные пытались взобраться на карниз, чтобы разглядеть, что же там происходит за белыми крахмальными занавесками. Когда подошла ближе, поняла, в чем дело: из окон Корольковых несли песни, да такие веселые, такие звонкие, что казалось, там, за окнами, сидят не три немоло-

дые женщины, а хор в составе по меньшей мере 10—15 человек.

Оказалось, Анна Николаевна пригласила своих подружек, бывлых хористок, в гости: попеть. Екатерина Ильинична Петрова и Мария Николаевна Братерская, конечно, тотчас согласились: петь обе любят больше всего на свете.

В перерывах между пением они вспоминали родное село — гости же оказались из Старой Тойды, — где, по их словам, и леса-то самые дремучие, и река чище слезы, и, конечно, песни!...

* * *

Старая Тойда... Эти два слова сами по себе звучат как название сказки. Грустной и непонятной. Но, несмотря на то, что жизнь в Старой Тойде в те далекие времена была совсем не весела, сказки тут любили веселые. Они помогали жить.

Лучшим сказочником и песенником считался по праву старый пасечник Степан Иванович Растрингин.

В селе, где все друг друга знают, он не

мог не приметить проворную девчонку Юру Глазкову, которую с восьми лет отдал отец в няньки к местному богатому. Невесткам богача все время казалось, что юная нянька предпочитает одного малыша другому, и они без конца выговаривали ей за это. Услышав как-то, как хозяйки бранят бедную девчонку, Степан Иванович не выдержал, вмешался.

— Эх вы! — сказал он с горечью, — хоть бы одна подумала о том, что няньку-то самому пожелать нужно! Ребенок ведь совсем, всего восемь годочков сравняется. — И, уже обращаясь к Юре, добавил: — А ты, паха, как тебе уложись, приходи ко мне на пасеку. Я сказку тебе расскажу.

Вот и стала девчонка на пасеку бегать, сказки слушать.

Впечатления детства обычно самые яркие и самые прочные. Ведь каждое впервые и поэтому навсегда.

А у Аюты к тому же и память оказалась отменная. Спустила почти полвека издала она свою первую книжку русских народных сказок, в которую вошли и сказки ее далекого детства.

Интересно, что среди них немало сказок, относящихся если не к концу XVIII, то, безусловно, к началу XIX века.

Это и эпические богатырские сказки, и веселые анекдоты, и детские сказки о животных, и авантурные, и сатирические.

Рассказывая сказки о русских богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Дунае Ивановиче, Анна Николаевна не позволяла себе импровизировать.

— Во славному городе во Киеве, — обычно торжественно начинает она, — у ласкового князя Володимира был пир, а на том пиру гостей многое множество: князья да бояре, купцы торговые, богатыри могучие и крестьяне — мужики посадские...

Так же бережна она и по отношению к так называемым старинным и потому особенно ценным сказкам о «Бове Королевиче», «Еруслане Лазаревиче», «Петре — златые ключи»...

Главная особенность сказки, по несколько противоречиво утверждению фольклористов, — стабильность и изменчивость одновременно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что разные сказочники по-разному рассказывают одни и те же сказки.

Именно так относится и Анна Николаевна к «обыкновенным», по ее определению, сказкам: легко меняет концовки, детали, а иногда в угоду слушателям переначивает характеры героев, сохраняя порой лишь сказочную традиционность.

Например, она любит читать свои сказки так: «Я у них была, мед пила, пряником закусывала», «Сказка не вся, да больше говорить нельзя, а кто слушал, тому шуба с пухом».

Традиционное описание женской красоты «ни в сказке сказать, ни пером описать» она дополняет деталями, заимствованными из воронежской частушки: «Глазки черные с отливом, губки пахнут черносливом».

И очень любит рифмовать:

«С ними вместе обедала,
ржаного хлебшца отведала».

Или:

«Стояла хата
от края девята».

Удивительно современно звучит в ее сказках осуждение корысти, воспевание патриотизма, верности в любви, скромности.

...В кабинете диалектолога Воронежского университета хранится запись одной из встреч Анны Николаевны Корольковой со студентами. В тот раз она много читала сказок и присказок, пела песни, охотно отвечала на вопросы. Со свойственной ей щедростью дарила Анна Николаевна сказки людям, которые посвятили свою жизнь изучению творчества родного народа.

Анна КОРОЛЬКОВА

КОЗА

В давние времена жила-была бабушка Акулина. Была у нее внучка Екатерина. Имелась и коза белая, которая все по чужим огородам бегала. Однажды бабушка и говорит:

— Внучка, пойдя козу постереги, а то опять уйдет на чужой огород! Выгнала внучка козу в поле. А коза-то снос-снос — лошадки на бугорок да на зеленый на лужок. А с лука — на чужой огород и давай там капусту уплетать. Вечером пригнет внучка козу домой, бабушка и спрашивает:

— Коза ль ты, моя коза, что ты ела и пила?

А коза в ответ:

— Катя меня нигде не пускала. Я лишь на бугорочке полежала, дом мой голодная прибежала.

На другой день бабушка сама погнала козу. А коза опять снос-снос с лужайки на бугорок и в чужой огород. С огорода бабушка козу домой пригнала. Привязала ее за рога и спрашивает:

— Коза ль ты, моя коза, что ты ела и пила?

А коза в ответ:

— Я березки не видала, травушки не щипала, ручейка не слышала и совсем голодной домой прибежала.

Бабушка давала козу сечь, а коза оторвалась и убежала. Забегала она в лесную избушку. В той избушке другая старушка жила. Но в это время ее дома не было. Пришла старушка, а дом закрыт. Она стун-стун:

— Кто в моей избушке живет?

А коза в ответ:

— Я, коза-стрекоза, вытарашу глаза, рогами забодая, хвостиком замотаю, копытитами выкину!

Старушка залпала и пошла прочь. Навстречу летит ворона:

— Кра-кра-кра! О чем, бабушка, плачешь?

— Как же мне не плакать? Как-то зверина в мою избушку забралась и меня не пускает.

— Пойдем, выгоню! Пришли. Старушка в дверь:

— Тук-тук! Кто в моей избушке живет?

Коза в ответ:

— Я, коза-стрекоза, вытарашу глаза, рогами забодая, хвостиком замотаю, копытитами выкину!

Ворона испугалась, всхорнула и улетела. А старушка пошла прочь. Идет и плачет. Глядит, летит сойка-белобочка.

— Чи-чи-чи, о чем ты плачешь?

— Как же мне не плакать? Как-то зверина в мой дом не пускает!

— Чи-чи, пойдём, выгоню!

Подошли к избушке. Старушка о двери:

— Тук-тук! Кто в моей избушке живет?

А коза в ответ:

— Я, коза-стрекоза, вытарашу глаза, рогами забодая, хвостиком замотаю, копытитами выкину. Крылья, перья оциплю, а хвост выдерну!

Сорока испугалась и улетела.

Снова старушка идет, плачет. Вдруг отсюда ни возьмись пчела:

— Ж-ж-ж, о чем плачешь?

— Как же мне не плакать? Как-то зверина меня в дом не пускает!

— Ж-ж-ж, пойдём, выгоню! Ж-ж-ж...

— Да что ты, пчела! Сорока гнала — не выгнала, ворона гнала — не прогнала, куда уж тебе, такой маленькой?

— Ж-ж-ж, пойдём, пойдём, выгоню! Ж-ж-ж...

Подошли. Старушка и говорит:

— Тук-тук, кто в моей избушке живет?

— Я, коза-стрекоза, вытарашу глаза, рогами забодая, хвостиком замотаю, копытитами выкину!

Пчела и говорит:

— Бабушка, открой-ка дверь!

Старушка дверь открыла, пчела в дом влетела, а за ней целый рой. Набросились они на козу. Та с пчелы упала, рога сечь сломала и в лес убежала.

А бабушка с пчелками и посейчас вместе живут.

Я вчера у них была. Бабушка мне корчажку меда напсила. Я мед попила, пчел добрым словом поминала.

Рисунки
Я. Мирошниченко

ИЗ ДНЕВНИКА МАТЕРИ

Виталий впервые переступил порог нашего дома. Буквально только переступил. Смущенный, он остановился возле двери и наотрез отказался пройти в комнату, чтобы там подождать нас. Мы собрались в филармонию — Иринка, Виталий и я. Иринка долго крутилась перед зеркалом: то прическа ей не нравилась, то платье, казалось, сидит как-то не так. Глупенькая, она считает себя дурнушкой. Однажды так и сказала: «И угораздило меня унаследовать от своих родителей, в общем-то симпатичных, вместо носка какую-то расплюснутую пуговицу».

Стали одеваться. Дочка сняла с вешалки свое пальто и, указывая глазами на мое, тихо сказала Виталию: «Помоги маме». Ире хотелось, чтобы Виталий предстал галантным молодым человеком. А мне, говоря откровенно, по душе именно такие ребята: застенчивые, по-щенячьи неуклюжие.

Мы очень хорошо провели вечер втроем, слушали прекрасную музыку Чайковского, а в антракте «кутили»: пили кофе и ели пирожные. Дочка была счастлива, много смеялась, и Виталий освоился, не краснел, разговаривая со мной. А после концерта уже без напоминаний подал пальто мне, потом Ирине. Она было дернулась: «Вот еще, я сама!» Но это так, от застенчивости, а же видела по глазам, что она горда.

* * *

— Мама, ты красивая?

Сергей всегда своими вопросами застаёт меня врасплох.

— А ты как считаешь? — Я могла бы и не спрашивать, у всех детей ответ один: «Мама самая красивая».

С Иринкой у меня был примерно такой же разговор несколько лет назад. А повзрослев, она уже иногда посматривает на меня критически. Недавно я собиралась в клуб на вечер. «В чем ты пойдешь?» — спрашивала она ко мне. А когда увидела, что я надеваю юбку и шерстяной жакет, не на шутку рассердилась: «Что ты всегда в одном и том же, будто другого платья у тебя нет!» И ведь уговорила переодеться. Даже когда я собираюсь на школьное собрание, она осматривает меня со всех сторон, все ли у меня в порядке.

Я теперь то и дело слышу: «Мама, не носи платок, он тебя старит», «Сшей себе платье, как у тети Вали, оно тебе пойдет». В отличие от Сергея, которому совершенно безразлично, во что он одет, Иринка и маленькая любила красивые платья. Помню, как она преподала мне урок, который я запомнила на всю жизнь. «Мама, некрасивый у тебя халат, ты его не носи», — сказала она мне. Я посмотрела, а халат и правда подиная, от этого казался несвежим, и вид у меня был какой-то неопрятный. С тех пор я строга к себе, от

мужа и от детей тоже требую, чтобы дома они всегда были аккуратно одеты. Иринка, сама того не подозревая, завела в доме такой порядок.

* * *

Отпуск мужа совпал с зимними каникулами детей. «А не махнуть ли нам втроем к бабушке? Там встретим Новый год, елку нарядим прямо в лесу...» Серрежка визжал от восторга, а Иринка не разделяла радость брата: «Ты, папа, поезжай с Сергеем, а я останусь тут с мамой». Судя по всему, у нее были свои планы, обговоренные с Виталием, и уезжать на каникулы из города ей не хотелось.

По глазам мужа я видела: недоволен дочерью. Я тоже не ожидала от Иринки такого ответа. Поездка к деду — это не только отдых и развлечение. Смерть бабушки подкосила здоровье старика. Ему тоскливо в осиротевшем доме, и приезд внуков — лучшее для него лекарство. Это она должна понимать, не маленькая уже. Я говорила спокойно. А Иринка... Ее голос показались мне чужим:

— Сергей... Дедушка... Должна... Надоело! Я тоже устала и буду отдыхать так, как я хочу!

— Мы отправляем тебя не на лесозаготовку. В деревне отдохнешь еще лучше, чем здесь.

— А я не хочу в деревню!

Настроение было испорчено, даже у Сергея. Я пошла в комнату к мужу спросить, собирать ли его в дорогу. И тут произошел разговор, о котором я думаю до сих пор.

По разумению мужа, во всем виновата я одна. Я потакаю дочери, разрешаю ей приводить в дом мальчишек и даже сама покупаю для них билеты в разные там филармонии. «Кончатся все это тем, что она принесет тебе в подоле, вот тогда ты поплачешь!» — крикнул он в запальчивости. Меня будто по лиху ударили. Ка счастью, Ирка не слыжала этой фразы.

Но, может быть, отец в чем-то прав? Вот ведь вылез наружу Иркин злонизм, воспитанный, наверное, мною... А вдруг она предает мое доверие к ней? Как же мне вести себя? И разве я в силах запретить ей встречаться с Виталием? Конечно же, нет! Будут прятаться в подъезде. Уж пусть лучше так, как есть: дома, открыто.

...На следующий день Ира сказала отцу, чтобы он брал три билета. Наверное, у нее был разговор с Виталием. Так или иначе, но уезжала она с хорошим настроением.

Думала, уеду, и я без них отдохну: не буду после работы ходить по магазинам. И готовить ничего не буду. Вечера все мои: что хочу, то и делаю. Но оказалось, что я не люблю приходить в пустую, темную квартиру. Я часто сердилась на ребят, заставляя дома беспорядок, но никогда не думала, что квартира кажется нежилкой и скучной, когда вот так все чинно расстав-

лено по местам и прибрано. Утром можно лишний час поспать, но я все так же рано встаю и сразу же иду на работу, на людях мне не так тоскливо. Странно, я действительно устаю со своими, а отдохнуть без них не умею. Разучилась.

Нет, нельзя мне оставаться одной, без детей... Лезут в голову всякие мысли, от которых еще горше мое бабье одиночество.

* * *

Я все больше и больше убеждаюсь, что мальчишек растить труднее, чем девочек. Не помню, чтобы Иринка, когда была в возрасте Сергея, доставляла нам особенные огорчения. Ну, была задирой, часто дралась с ребятами, пыталась даже иногда обманывать, но так наивно и безобидно, что нам с отцом не стоило большого труда «разоблачать обманщицу».

С Сергеем все время надо держать ухо востро.

Только что вернулась от директора школы. Разговор о сыне был, как говорится, на высшем уровне.

Началось все с того, что я случайно в его ранце обнаружила перочинный ножик. Спросила, где взял. Он, и глазом не моргнув, ответил: «Вова подарил». Это меня удивило. Я знаю этого Вову, он старше Сергея, учится в четвертом или в пятом классе и, естественно, товарищем сына никогда не был.

— В честь чего это он сделал тебе такой подарок?

Сергей вдруг будто воды в рот набрал, смотрит себе под ноги и молчит.

— Если не хочешь сказать мне правду, я пойду к Вове и спрошу у него...

Я уже открывала дверь, когда услышала: — Ма, не ходи, я скажу... Я выменял этот ножик у него на бинокль...

Час от часу не легче!

— Сейчас же иди к Вове, отдай ему ножик и забирай бинокль!

Сергей вскрикнул и мигом скрылся за дверью. Я и сама готова была плакать. От обиды, от своей беспомощности. Вся мерзость Серрежиного поступка заключалась в том, что он знал: бинокль — папин подарок Ирине в день ее рождения. Он видел, как Ирина радовалась подарку и объясняла брату, что теперь она может сидеть в театре хоть в последнем ряду и оттуда ей все будет видно.

Сергей вернулся, но бинокля не принес. — Мам, Вовка говорит, что ножик ему не нужен, у него есть другой, а бинокль не отдаст...

Пришлось самой идти, но уже к Вовиной маме. Не скажу, чтобы она сильно встревожилась поступком сына.

— Какой бинокль? Я и в глаза его не видела.

Выяснилось, что бинокля действительно у Вовы нет. Совершив очередную мему, он стал обладателем... медали «За отвагу», настоящей, боевой.

Кто же посмел так распорядиться наградой своего отца или деда? Имя этого паршица Вовка не сказал ни мне, ни своей матери.

Прямо от них я пошла к директору школы. Рассказала все, насколько не выгодная сына. Но главным виновником я считала Вову, он старше, хитрее... Впрочем, наверное, каждая мать ищет виноватого где угодно, только не у себя в семое.

Директор строго поговорила с нашими ребятами, да и нас, родителей, не пощадил. Деду Костику Виталию Вовка вернул пропавшую медаль «За отвагу». Дед держал медаль на ладони, а губы у него дрожали. Жаль, что при этом не было ребят: ни Костики, ни Вовки, ни моего Сергея.

Продолжение. Начало см. в № 1.

И. ШЕВАНДРОНОВА. АГИТБРИГАДА. АМУР.

Всесоюзная художественная выставка «50 лет Октября»

ЗА КАЖДОЙ КАРТИНОЙ — ЖИЗНЬ

Гелий Михайлович Коржев вошел в советское искусство в послевоенные годы.

Он родился в Москве в 1925 году. Вырос в семье архитектора, и выбор профессии не был для него случаен, 11-летним мальчиком он поступил в районную художественную студию, затем в школу, в которой руководила А. П. Сергеева — ученица В. Серова и К. Юона. Затем была средняя художественная школа и наконец Художественный институт имени В. И. Сурикова.

Закончив в 1950 году институт, Г. Коржев за сравнительно короткое время создал такие замечательные произведения, как «В дни войны», «Влюбленные», триптих «Коммунисты».

Каждое из этих произведений отличается глубиной и высоким профессиональным мастерством.

Картина «В дни войны» была впервые показана на выставке произведений молодых москвичей в 1954 году и сразу создала Коржеву популярность художника не только думающего, но и заставляющего думать других.

Следующей значительной работой художника, в которой по-настоящему вновь задала тему человеческой судьбы, стала картина «Влюбленные». Сюжет ее прост: берег моря, двое молодых людей. Мужчина в гимнастерке, видимо, недавно вернувшийся с войны, и доверчиво прильнувшая к нему женщина. Картина рассказывает о непростой и нелегкой жизни двух близких людей, об их трудной любви.

...В 1960 году в Центральном выставочном зале столицы открылась выставка изобразительного искусства «Советская Россия». На этой выставке Коржев впервые показал триптих «Коммунисты», объединенный одной темой — темой борьбы рабочего класса за Советскую власть.

Центральная часть триптиха — «Поднимающий знамя».

...Убит знаменосец. Его товарищ, опустившийся на одно колено, поднимает знамя, выпавшее из рук убитого. Триптих «Коммунисты» явился большой победой художника.

Разрабатывая и углубляя тему героического подвига советского народа в грозные дни Отечественной войны, Г. Коржев создал новую композицию «Опаленные огнем войны». Она включает пять работ: «Проводы», «Мать», «Заслон», «Следы войны», «Старые раны». Сложная композиционная форма дала возможность автору показать и горечь разлуки, и испытания войны, и мужественную силу советского человека.

Мы воспроизводим лишь две картины из цикла «Опаленные войной» — «Проводы» и «Старые раны». Как все лучшие работы Коржева, они просты по сюжету, но их в то же время отличает удивительная емкость и психологическая глубина. Это, видимо, происходит потому, что за каждой картиной — непрдуманная, живая жизнь.

Г. КОРЖЕВ. ПРОВОДЫ.

СТАРЫЕ РАНЫ.

Всесоюзная художественная выставка «50 лет Октября»

мой, будто улетела на другую планету. Но планета планетой, а меня подымало спросить: какого же лешего она тогда так выжидающе, а то и прямо поощрительно поглядывала на меня все эти дни и чуть ли даже не за секунду до свирепой своей оплеухи? Вот тут и заберишься.

Но у меня хватило ума ни о чем не спрашивать Сою. Ничего ей не докажу! Ведь в активе моем лишь одни ее благосклонные взгляды, а взгляд — такое туманное дело, что от него всегда можно отпереться, была бы только охота. Это тебе не слово сказанное и тем более не поступок. Взгляд был, и нету его, даже поворотить его нельзя. И к делу его, как говорится, не подходить. Не улика это, не доказательство, а так, туман один и игра воображения.

Соня первая же на смех меня поднимет за то, что навидумывал я тут какие-то особенные ее взгляды, а мне и крыть нечем! Да, может, и в самом-то деле ничего такого в тех Соинных взглядах, и отродясь не было, а мне лишь почудилось! Мало ли что может померещиться во взгляде женщины, которая тебе самому нравится! Уж лучше молчать себе в тряпочку и не позориться. Меня прямо-таки злость взяла, что Соня такая скользкая и увертливая, никак к ней не подступиться.

— А вдруг да не вернется твой женишок? — ехидно спросил я, все больше ополчаясь против неведомого мне счастливица морячка, который, опорожнив миску знаменитого флотского борща, забивает сейчас морского «козла» в гулко кубрике, а мне тут приходится на своей шкуре испытывать верность его невесты.

— Приедет, — отозвалась Соня. — Никуда не денется!

И такая убежденность прозвучала в ее голосе, что я остро возненавидел этого козлятника. Но предаваться ревности было просто некогда. Я вдруг сообразил, что Соня приварила оплеуху не только ходоку Косте Мельникову, но еще и техноруку запани и заместителю начальника. Надо было срочно спастись своей пошатнувшийся авторитет. А то и не заметишь, как все тут перестанут тебя уважать.

— Значит, соблюдаешь себя? — весело спросил я голосом этого добродушного начальника, который органически неспособен обижаться на своих подчиненных.

Соня подозрительно покосилась на меня и пожалала плечами.

— Просто жду...

— Ну что ж, — веселее прежнего сказал я, словно получать затрещины было любимым моим занятием. — Я это приветствую! И шагнул к ней без всякой задней мысли, а лишь наглядно показывая, что досадный инцидент исчерпан и жизнь идет дальше своим ходом. Но недоверчивая Соня тут же предостерегающе вскинула крепкую свою руку и посоветовала мне:

— Приветствуйте лучше издали!

— Эх, Соня, Соня! — упрекнул я ее. — Как ты меня понимаешь!

Против воли голос мой прозвучал довольно-таки жалобно, и Соня наконец-то поверила, что опасаться ей больше нечего. Прежде чем я успел ей помешать, она нагнулась и подняла с земли мою фуражку. Я уже и позабыл о горемичном своде го-

ловом уборе, а хозяйственная Соня, видать, все время о нем помнила. Ударом о круглое, наполовину обнажившееся колено она выбила из фуражки пыль, ткнула козырьком в сторону многострадального моего подбородка и спросила участливо, с виноваткой в голосе:

— Больно, Константин Иванович?

Я так и не разобрал, на самом деле жалеет она битого своего технорука или всего лишь издается над незадачливым ухаже-ром.

— Ладно, ладно! — сердито пробормотал я и выхватил у нее фуражку.

На миг я увидел себя со стороны, и мне вдруг смешно стало. Припомнились и недавние скороспелые опасения: как бы Соня не приняла мои ухаживания из одной лишь боязни огорчить дорогого своего начальника. Выходит, плохо же я знал местных девчат! Они не только не боятся обидеть начальника, но при случае могут запросто залепить ему пощечину. «Вот тебе и сверярки!» — обескуражено думал я, украдкой от Соин потирая нижнюю челюсть.

— Вы бы хоть спросили, — сердобольно посоветовала Соня на прощанье. — Что ж так нахрапом лезть?

— Ладно, в следующий раз обязательно спрошу, — уныло пошутил я, напялил фуражку на опозоренную свою голову и поплелся прочь куда глаза глядят.

В ближайшие дни мне неловко было встречаться с Соней. Если б моя воля, я совсем бы с ней не встречался. Но работа требовала, чтобы мы выдвигались с ней каждый день — то на запани, то в конторе, нравилось мне это или нет.

Но теперь я уже не торчал на сортировочной сетке, а перелазил на сплоченные станки. И Аникев снова похвалил меня за то, что работаю я удумчиво и последовательно: не разбрасываюсь, а беру под свой контроль операцию за операцией. Знал бы он, что стоит за этой мой последовательностью!

Соня никогда не напоминала мне о том злуполучном вечере и своей оплеухе у तकелажного сарая. Но я знал, что она помнит и вечер и оплеуху и уж, во всяком случае, каждый раз, заведя меня, тут же припоминает весь мой позор. Порой мне даже казалось, что теперь она благосклоннее прежнего поглядывает на меня. Ведь одним своим видом я давал ей приятную возможность вспомнить о ее несприятности и похвальной верности далекому жениху. И частицу горделивого этого чувства, которое я, сам того не желая, вызывал в ней, Соня щедро переносила и на меня — первопричину заслуженного ее торжества.

Мы всегда признавались тем, что дал нам возможность проявить свою принципиальность, ум, отвагу, верность любимому и прочие завидные качества.

Со временем мы даже подружились с Соней. И я, признаюсь, как-то неловко стал больше ее уважать: всегда приятно убедиться, что рядом с тобой живут твердые, стойкие люди, верные однажды данному слову. Я тем охотней уважал теперь Сою, что сам пока не спешил брать с нее пример и не бежал записываться в образцовые однолюбия, а долго еще оставался таким же непостоянным и ветреным, каким прикатил в поселок.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Руки, протянутые к людям

В детстве я любила песню, в которой были такие слова: «Панут медом, пахнут мятой золотые вечера». Наверное, почти все мои ровесники, прочитав эти строки, улыбнутся, вспоминая полузабытый мотив и нехитрые слова песенки. Много позже, уже будучи взрослой, я узнала, что написала их поэтесса Ольга Высотская.

Ее имя знакомо многим. Взрослым — матерям и отцам — потому, что, посадив сына или дочь на колени, они читают им ее стихи. Детям потому, что это первые ритмические строки, которые они учились запоминать.

И вот сейчас мы берем в руки небольшую книжку, которая называется «Поиски тепла». То же имя. Та же фамилия. Но стихи на этот раз обращены к взрослому читателю.

Ольга Высотская «Поиски тепла». Изд. «Советская Россия». Москва, 1967.

Только близкие друзья Ольги Ивановны знали, что одновременно с детскими всю жизнь она писала и лирические стихи. Писала и складывала в ящик стола. Иногда читала друзьям.

Лишь в последние годы стихи эти стали появляться в печати: в журналах «Москва», «Работница», в сборнике «День поэзии»... И вот теперь, строго и придирчиво отобрав все лучшее, поэтесса издала небольшую книгу.

Мужество, выраженное через нежность, — вот что характерно для книги Ольги Высотской. Лирическая героиня этой книги начала свой путь в годы революции и прошла его вместе со всей страной. По стихам мы можем читать историю Родины. Это и Москва далекого детства, когда «нет света даже в Кремле, и лишь в кабинете Ленина свеча горит на столе», и большая, новая жизнь, что арывалась «утренником в клубе и инструментом райома в порыхеющей шубе», и первая работа няней, когда «сбежали графы за грани-

цу, и в зеркалах отражены ребячьи худые лица всех степеней голубизны», и заседание Совнаркома, где «Ленин встает с часами, с часами в левой руке».

В книге Высотской нередко звучит мотив женского одиночества. Но от него не опускаются руки. Оно не несет безысходности. Стихи Высотской — это борьба с собой, самая трудная из всех видов борьбы. Это — желание быть нужной, отдать другим то, что имеешь. Это руки, протянутые к людям.

Книга О. Высотской разнообразна и едина. Потому что через все стихи, написанные о разном, проходит образ Добра. Человек! Будь добр к человеку. Не дай сердцу очерстветь. Так обращается Ольга Высотская к своему читателю.

Стихи Высотской традиционны по форме. Она не ломает размера, не прибегает к броской, эффеитной рифме. Думаю, что работа в детской литерату-

ре помогла ей обрести эту форму. Ее стих прозрачен, ясен, незамутнен, прост по образной структуре, по языку.

Не могу сказать, чтобы я признавала только такой стиль. Стихи могут быть и другими — сложными по образам, с трудной завернутыми фразами. И в то же время прекрасными. Все зависит, во-первых, от того, слышишь ли мы за строками биение человеческого сердца, и, во-вторых, от того, близок ли, органичен ли для автора именно данный стиль.

Ольга Высотская пишет так, как живет, как дышит, как думает, как говорит. Она может писать только так и никак иначе.

Она любит родной язык — ладным, лющимся, как музыка, простым и скромным, как среднерусский пейзаж, ясным, как девичье лицо.

НОВГОРОДСКИЕ ПРИЧЕСКИ

«Военный совет» в комнате № 7 общежития Новгородского пединститута не затонул. Три Людья, Галя и Надя за пять минут распределили обязанности, уточнили адреса, проверили денежную наличность и отправились... в парикмахерские.

Путь знакомый, не раз хоженный. Студентки пединститута среди новгородок славятся умением красиво, современно одеваться и причешься. Кому, как не им, будущим учителям, быть образцом вкуса, культуры не только внутренней, но и внешней! Такая уж традиция сложилась в институте!

Но сегодня — случай особый. Студентки отправились в парикмахерские не просто причешься, а по заданию редакции, как участницы рейдовой бригады «Работницы».

Новгород борется за право называться городом высокой культуры. А есть ли лучший показатель культуры, чем отношение к людям, их повседневным нуждам?

— Вопрос о расширении «жилплощади» бытовых учреждений в Новгороде, можно сказать, решен, — сказали нам председатель городского исполкома Совета депутатов трудящихся Е. В. Андреев и начальник областного управления бытового обслуживания Г. М. Смирнов. — В каждом втором строящемся доме непременно отводим первый этаж для магазина, химчистки, парикмахерской. По правилам, на тысячу жителей должна приходиться одна парикмахерская. К концу пятилетки мы наеемся «догнать» до этой нормы. Сейчас в городе 16 парикмахерских. Одна женская, 9 смешанных, остальные мужские. В начале года открывается первый в городе специализированный женский салон: там и мастера и оборудование будут на высшем уровне. Предполагается построить детскую парикмахерскую, крупную (на 25 мест) женский салон и еще несколько, по преимуществу в новых кварталах.

В Новгороде серьезно отнеслись к перестройке обслуживания в условиях пятидневки. Две парикмахерские (при гостиницах) работают без выходных, а остальные открыты и по воскресеньям до 15 часов.

Много сделано для того, чтобы умень-

шить очереди в предпраздничные дни. За месяц до праздников в газетах и по радио объявляют, что женщины, желающие сделать химическую, шестимесячную завивку или покрасить волосы (все операции, как известно, длительные, не на один час рассчитанные), должны поторопиться. В последнюю неделю во всех парикмахерских выполняются только укладки и стрижки. А если женщина обязательно хочет попасть к «своему» мастеру и при этом не стоять в очереди, она может заранее купить в кассе талон на любое удобное для нее время.

Теперь очереди для здешних парикмахерских не проблема. Не о них говорили члены рейдовой бригады, собравшись все в той же комнате № 7 и шеголяя свежими прическами. Разговор шел о качестве. Точнее, о современном уровне парикмахерского искусства.

— Мы вообще-то в парикмахерские редко ходим. Все больше сами. Вот сидит Людья Хвойницкая. Как праздник — к ней все общежитие бегаёт. Просят накрутить.

— Дорого в парикмахерских?

— Не то чтобы дорого, а, как бы сказать, неинтересно. Очень уж одинаково причешься. На наши прически не смотрите — мы опытные. Знаем, что попросить, куда челку, куда завиток. А не попросишь — сделают «новгородскую»: все волосы назад, на лбу завитушка, а сзади мелкий баран.

Рейдовая бригада побывала во всех женских парикмахерских города. Все, что могли, испробовали на собственных волосах. Мы видели настоящих мастеров, видели и плохих. Но больше всего — средних, работающих с тем неуловимым налетом, который мы называем «серостью».

За последние годы во всех парикмахерских города полностью обновили оборудование. Поломали нелепую, десятилетиями бытовавшую здесь практику, при которой все инструменты — от грошевых шпилек до дорогих электрических приборов — мастера покупали на свои деньги, получая ничтожные проценты за амортизацию. А вот старую инерцию стандарта в работе поломать оказалось труднее всего, несмотря на ежегодные проводимые областные и городские показательные конкурсы; семинары, на которые приглашают лучших специалистов из Москвы и Ленинграда; хорошую традицию «перебрасывать» опытных мастеров на месяц-другой в новые парикмахерские...

...Уже больше часа мы, участницы рейда, сидим «инкогнито» в парикмахерской № 13 на Студенческой улице, смотрим, как работает Л. И. Шаронова — мастер 2-го класса. Работает она быстро, уверенно. И как-то... автоматически. Разные женщины, разные лица — а локон на лбу у всех выложен одинаково, в одну сторону.

В кресло садится полная молодая женщина, рядом ее дочка — подросток — длинноногая, неслладная, с забавным ребячьим личиком. Обоем делают совершенно одинаковые стрижки — классический «горшок» с приплюснутым, слаженным затылком. Как раз в помешении этой парикмахерской неделю назад проходил очередной семинар по повышению квалификации. Два мастера из Москвы показывали новые фасонные стрижки.

— Ничего особенного. И мы так умеем. — Почему же стрижете «под горшок»? Для мамы — несолидно, для дочки — старомодно.

— Что просили, то и делаем.

Но работу парикмахера не зря же называют искусством. Делая человека красивее, мастер участвует и в формировании его вкуса.

Вера Денисюк, мастер парикмахерской на улице Карла Маркса, утверждает, что в причёске стандарт невозможен — лица-то у всех разные! Веру знает весь Новгород. Перед праздниками талона к ней не достать.

ЗАКАЗ ПРИНЯТ НА ЗАВОДЕ

На вопрос: «Когда вам удобнее заказать в ателье обновку?» — большинство, вероятно, ответило бы: «В день получения». Загляните в дни выдачи зарплаты на Донецкий металлургический завод или на шахту «Лидиевка», и вы увидите у входа специальный автобус Калининской фабрики пошива и ремонта одежды: от 3 до 5 часов вечера закрываются принимают здесь заказы на

мужские и женские пальто, костюмы, платья. В пересеченке же делают примерку и выдают готовые вещи.

На Донецкой трикотажной фабрике работает больше тысячи женщин. И сюда швейницы навешиваются каждую среду и пятницу, от 3 до 4 часов.

Во всем крупным промышленным предприятиям Донецка припрелены местные фабрики пошива и ремонта одежды, ателье комбинатов бытового обслуживания. Выполняются заказы как из материала заказчика, так и из ткани фабрик и ателье.

К. СЫРЦОВА

ВСТРЕТИМСЯ В МАГАЗИНЕ № 50...

В сумерки, когда на Псковском радио заводе кончается смена, людской поток запол-

няет Комсомольскую площадь, выливается на улицу Максима Горького, устремляясь в одно место — в магазин № 50. Другого магазина в районе нет. А между тем здесь расположен завод. Здесь 29 жилых домов завода, большое общежитие, возводятся новые жилые корпуса.

В исполнومه Пскова считают, что новые магазины в этом районе должны строить наш завод. Администрация завода считает, что хозяин города — исполком и он обязан заботиться о населении. У предприятия же нет возможности соорудить магазины.

Идет спор, а в магазине № 50 по-прежнему топчутся очереди женщин. Каждый день на покупку продуктов тратим по два часа, а то и больше.

Псков, один из древнейших городов России, переживает сейчас вторую молодость. За

семилетнюю его промышленность выросла больше чем в два раза. В городе построены заводы, имеющие всесоюзное значение. Поднимаются у нас и свои Черемушки — благоустроенный жилой район. Его население подходит к тринадцати тысячам, но ни одной магазинной вывески вы в псковских Черемушках не увидите.

Где же люди делают все покупки?

Ходят на улицу Максима Горького. Все в тот же магазин № 50.

Нас, женщин, волнует: как исполком горсовета планирует дальшее развитие торговой сети? Т. БАЗАРЬ, председатель комиссии по работе среди женщин при заводе радио завода, член завкома радио завода

Она неизменная победительница городских конкурсов. Прежде чем выбрать прическу, Вера вместе с клиенткой полистает журналы, обсудит несколько вариантов, даже поспорит.

Есть своя «звезда» и в парикмахерской № 2 на улице Желябова. Е. М. Федотова старше Веры Денисюк, и стиль работы у нее менее романтичный, зато добротный. К Федотовой ходит и молодежь и женщины постарше — делает и модно и солидно, по возрасту. Люде Шелоковой, члену нашей рейдовой бригады, повезло: попала к «самой» Федотовой.

— Мне, думаете, легко подобрать что-нибудь подходящее? Лицо узкое, нужна челка. А к очкам не всякая челка подойдет. Елизавета Михайловна пять вариантов испробовала, прежде чем осталась довольна.

И Вера Денисюк и Е. М. Федотова добились успеха не только благодаря своему природному таланту и трудолюбию. Они единственные в Новгороде дамки парикмахеры со специальным образованием, окончившие два года назад курсы повышения квалификации. Все остальные — самоучки. Пять мест, которые министерство выделило в прошлом году для Новгородской области на парикмахерские курсы в Ростове, распределили между сельскими мастерами — городу ничего не досталось. То же самое в этом году.

Не хватает не только квалифицированных мастеров. Не хватает мастеров вообще. Чтобы привлечь молодежь на работу, Управление бытового обслуживания строит большее, на 280 мест, общежитие для своих сотрудников. К тому же с 1 января нынешнего года ученики в парикмахерских получают не 17 рублей 50 копеек, как раньше, а 45 рублей.

Сейчас в Новгороде среди 47 женских мастеров 6 первого класса и 12 — второго. Но бывает, что никому классному мастеру клиенты предпочитают вчерашнюю ученицу: профессионально она, может, и слабее, зато в моде разбирается. Нельзя, чтобы классность (и соответственно денежная надбавка за нее) давала раз и навсегда. Сдал мастер экзамен — и успокоился, от новшества всяких отмахивается; и так сойдет! Однажды в Новгороде провели всеобщую переаттестацию мастеров, и оказалось, что лишь половина сумела подтвердить свою квалификацию. Такие переэкзаменовки неплохо бы делать регулярно.

И вот еще о чем мы хотели сказать. На всех предприятиях научились оценивать рублем не только количество, но и качество продукции. А заработок парикмахера складывается из процентов отчислений со стоимости выполненных работ, без учета качества исполнения. Поэтому мастера ждут не дождутся «солидной» клиентки с химической или шестимесячной завивкой — из-за такой и поспорят и в кресло посадят без очереди. А простая укладка, тем более из длинных волос, «невыгодна». В Новгороде даже приказ особый пришлось издавать, обязывающий мастеров принимать клиенток с длинными волосами. Очевидно, нужно поискать такую форму оплаты труда, при которой мастер будет уделять каждой прическе больше времени, фантазии, мастерства, значит, сделает решающий шаг от ремесла к искусству. А это важно не для одного лишь Новгорода.

Рейдовая бригада: Гая Кузнецова, Людмила Симонова, Людмила Хвойницкая, Людмила Шелокова, Надя Яковлева — студентки Новгородского педагогического института; В. Шевченко, редактор; Т. Костыгова, И. Шведова — корреспонденты «Работницы»

„Добрая сфера“

Сфера обслуживания — добрая сфера. Об этом хорошо сказал на Всесоюзном съезде молодых работников службы быта секретарь ЦК ВЛКСМ А. Х. Везиров: «Заботиться о том, чтобы каждая советская семья могла меньше тратить времени на будничные хлопоты, а использовать его для всестороннего развития, общественной деятельности, творчества, отдыха и воспитания детей».

Поднимаюсь на трибуну съезда, делегаты часто произносили слова «хорошее настроение». Этими словами обозначали они свой профессиональный долг. Именно заботы о хорошем настроении людей, они критиковали недостатки, мешающие четко организовать обслуживание. Заботись о хорошем настроении людей, они стремились каждую минуту находить в сфере обслуживания сделать достоянием всех.

Курсные телеграфисты в телеграммах, сообщающих о приезде, обязательно приписывают время прибытия поездов. Комсомольцы Сыктывкарского автобусного парка организуют специальные рейсы, чтобы помочь спешащим на работу родителям отвезти детей в сады и ясли. В Летних комсомольцы считают любую стройку магазина, кафе, парикмахерской или бани важной ударной стройкой. Комсомольские организации отбирают и посылают на это строительство лучших рабочих.

Но как бы ни были хороши сами по себе новые формы работы, еще важнее увидеть за ними человеческую личность. Я слушала выступления делегатов и старалась для себя определить, что питает их инициативу, как они понимают свою личную ответственность за судьбу дела.

На съезде выступала молодая продавщица ленинградского магазина «Юный техник» В. М. Мянчина. Из ее рассказа вставал облик нового продавца — не приказчика, а интеллигентного, образованного человека. В. Мянчина и ее подруги организовали в магазине постоянную выставку детского технического творчества пионеров и школьников Ленинграда. Около нее всегда полно ребят, которые обсуждают достоинства той или иной модели. Продавцы сами начертили и вывесили в торговом зале всевозможные монтажные схемы простейших радиоприемников, усилителей и выпрямителей. Они не считают свой магазин только коммерческим предприятием, а стараются, что-

бы он стал центром пропаганды технического творчества. Работники магазина не только продают, но и квалифицированно консультируют своих маленьких покупателей.

А вот еще пример. Директор столовой из г. Ангарска Э. Моисеева рассказала, что в Бюро добрых услуг, созданном в их столовой, можно получить подробную консультацию, как испечь пирог, как накрыть праздничный стол. Дают эти консультации повара, технологи.

Продавец, повар, закройщик... Когда я слушала выступления этих людей, то невольно думала: традиционные, будничные профессии меняют свое лицо. Из ремесленных они превращаются в творческие, открывают простор для проявления способностей. И не потому ли все больше молодежи приходит в сферу быта?

Участники съезда приняли обращения к товарищам по профессии, они призывают их сделать все, чтобы сфера обслуживания стала для людей по-настоящему доброй сферой.

Л. ОВЧИННИКОВА

У НАС В ГОСТЯХ. Участники съезда — М. Федяева, проводник, В. Бененева, товаровед, обе из города Кирова; К. Войсова, шефа комбината бытового обслуживания Саятского района Туркмении; Т. Крупинина, заведующая производством столовой № 9 Дивногорской ГЭС; С. Реднепова, товаровед Чардынского горпромторга; А. Дурдыева, студентка Ашхабадского техникума советской торговли; В. Пшеничникова, секретарь комитета ВЛКСМ треста столовых и ресторанов, и Л. Иостина, товаровед магазина № 2 из Петрозавдовска-на-Камчатке; В. Заматина, бортпроводница из Куйбышева; С. Медина, продавец универсама г. Кулдиги, Латвия; М. Ревта, бортпроводница из Риги; И. Назаренко, заведующая Ульяновским бюро добрых услуг; Г. Кобзева, инженер-технолог общественного питания из Сусумана, Магаданской области; А. Лобачева, инженер Магаданского транспортного управления.

Ради детей

Мне хочется поведать об одной истории, которая произошла много лет назад. Думаю, что поступок, подсказанный благородным сердцем простой женщины, многих читателей и сейчас не оставит равнодушными.

Случилось это в осажденном фашистами Ленинграде, где тогда находилась моя семья.

Два моих брата и сестра защищали в прифронтовой полосе родной город. Мать с маленькой внучкой Валей, как все ленинградцы, осталась в нетопленной, без воды и света квартире. В суровую зиму 1942 года от голода, бомбежек, страданий наша мать скончалась.

Восьмилетняя Валя осталась совсем одна. Сестра моя, Наталья Алексеевна Сизова, рискуя жизнью, под обстрелами ежедневно пробиралась с фронтовой позиции в город, чтобы проведать дочку.

Весной 1942 года Валя пошла в магазин за хлебом и не вернулась домой. Так мы никогда и не узнали, что про-

изошло с девочкой. От пережитого горя — утраты единственной дочери — сестра тяжело заболела, слегла.

Товарищи по фронту не оставляли больную Наталью, навещали ее. Чаще других появлялся шофер Яков Волков. Он рассказывал Наталье, что его семья тоже, видимо, погибла: жена и дочь эвакуировались в опасное время и от них нет никаких вестей.

Общая беда, одиночество сблизили их, а когда Наталья оправилась от тяжелого недуга, эти двое решили соединить свои жизни.

А в скором времени появилась на свет дочь, которую в память о пропавшей назвали Валей.

Близился конец войны... Город понемногу залечивал свои раны. Стали они затихивать и в сердце Натальи. Семья прибавилась, родилась вторая дочь, Нина, а потом и мальчик Боря.

И вдруг известие: вернулась из эвакуации первая жена Якова, Таисия Александровна, с дочкой Женечкой. Перед Волковым встал вопрос: как быть, какой выход найти? Вернуться в прежнюю семью? Но и в новой трое детей, да и любил, видно, Яков вторую жену.

Выход Яков Волков, однако, нашел не самый лучший. Стал выпивать, домой являлся поздно, нетрезвый.

Накануне одного из июльских воскресений Яков не пришел ночевать. Утром встревоженная Наталья, наскоро одев девочек, схватила грудного Борю на руки и отправилась с ними в гараж, где работал отец. Они переходили оживлен-

ную Кирочную улицу, когда девочки, испугавшись внезапно выскочившей автомашины, побежали в сторону, мать бросилась за ними вслед. Удар кузова грузовика пришелся ей прямо по голове... Мать упала замертво, все еще продолжая прижимать к себе малыша.

После похорон Натальи районные власти предлагали определить сирот в детские дома. И вот тогда, всех нас удивив, пришла в осиротевший дом Таисия Александровна, бывшая жена Якова.

— Дети есть дети, и они ни в чем не виноваты, — сказала она. После многолетней горькой женской обиды она нашла в себе силы вернуться к мужу, чтобы заменить детям мать.

Потом были и радости и огорчения, как это бывает в каждой большой семье. Проходили годы, дети росли, пошли в школу, окончили училища.

Валя и Нина имеют теперь свои семьи, Борис живет с отцом и матерью, работает на заводе, мечтает об институте.

Старшие и младший привязаны к крепкой любовью к матери, и мы все, знакомые с этой давней историей, гордимся, что среди нас живет чудесная женщина, которая сумела победить в себе ревность и горе ради детей.

Волкова Таисия Александровна и Яков Фаддеевич, ныне пенсионеры, живут в новой, благоустроенной квартире. Нет-нет да и вспомнят они о прошлом — без обиды. Потому что жизнь их вся в будущем — в детях и внуках.

А. КУТЯН

гор. Свердловск.

Хочу рассказать о женщине, поступок которой потряс меня своей простотой, мудростью, искренностью... Даже не знаю, какие еще можно найти слова.

Началось это так. В 1943 году город Кротошкин, где живет Валентина Васильевна Зырянова, оказался на линии фронта. В ее доме поселились наши солдаты. Во время ожесточенной бомбежки упала рядом с домом тяжелая бомба. Вырыла воронку на огороде, снесла полдома, убила пятерых солдат. Убитых похоронили тут же, возле дома, поставили на могиле памятник, какой смогли слепить из досок, что дала Валентина Васильевна. Прибили сверху красную звезду, четкими буквами вывели имена погибших.

Потом война пошла дальше, на запад, а Валентина Васильевна вот уже двадцать пятый год несет бессмертный караул у солдатской могилы. Встанет утром и идет проведать тех, что были ей как сыны, когда

жили у нее в хате, кого хоронила она, как родных, с горькими слезами.

Вот какая женщина живет в городе Кротошкине.

Бессмертный пост

Я-то сама не оттуда. О Валентине Васильевне рассказали мне люди. И мне очень захотелось познакомиться с ней. Побывала я в городе Кротошкине. Видела Валентину Васильевну, видела солдатскую могилу, у которой этой женщиной самой, без всяких приказов установлен бессмертный ее пост, видела цветы, что растут на могиле. Узнала, что разсыпаны Валентиной Васильевной три семьи погибших у ее дома солдат, что каждый год приезжают родные поклониться памяти погибших, поклониться женщине, которая бережет память о них.

Я знаю теперь, что и Валентину Васильевну не обошла война личным горем. Ее муж, тяжело раненный на фронте, вскоре после войны умер. Да и кого война обошла? Вот и у меня единственный брат был расстрелян фашистами.

Спасибо вам, Валентина Васильевна, за то, что вы сделали для всех нас.

З. ПАВЛОВА

г. Харьков.

Новые книги ко Дню 8 марта

«ОКТАБРЕМ РОЖДЕННЫЕ». Это сборник воспоминаний об участницах борьбы за победу Октября, активных строительницах коммунизма. Среди авторов книги — старые большевички, организаторы работы среди женщин с первых дней Советской власти. Они рассказывают о встречах с Владимиром Ильичем Лениным, о революции и гражданской войне, о первых пятилетках и наших днях.

«СВЕТЛЫЙ ПУТЬ». Авторы С. Т. Любимова и Е. И. Бочкарева. Это книга о борьбе Коммунистической партии за освобождение трудящихся женщин, об участии работниц и крестьянок в революционном движении и строительстве социализма в нашей стране. Кроме документов, авторы использовали свои личные наблюдения, воспоминания о событиях, свидетелями или участницами которых они были.

Обе книги выпущены Государственным издательством политической литературы.

«ОКТАБРЬ И ЖЕНЩИНЫ ТУРКМЕНИСТАНА». Автор Б. Пальванова, министр просвещения Туркменской ССР. Книга рассказывает о пробуждении женщин Востока и сознательной творческой жизни. Она выпущена ашхабадским издательством «Туркменистан».

Книга Т. М. Севостьяновой «РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ ВОРОНЕЖА» целиком посвящена женщинам, борющимся за Советскую власть в этом городе.

Писательница Вера Морозова рассказывает в своей повести о бесстрашной революционерке, страстной партийной публицистке Конкордии Николаевне Самойловой. Книга так и называется «КОНКОРДИЯ». Выпущена издательством «Детская литература».

ГУБАНОВ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Вы помните фильм «Коммунист»? Помните, как Василий Губанов воевал за каждый кирпич, за каждый гвоздь, потому что видел в большом общенародном деле свою личную ответственность, чувствовал настоятельную необходимость выполнить свой гражданский, свой революционный долг? И шел в одиночку рубить лес, чтобы заполнить дырами топку паровоза, везущего состав с хлебом. И бросался в неравную схватку с врагом, чтобы защитить завоевания Советской власти.

В новом фильме «Твой современник» Е. Габрилович и Ю. Райзман не подчеркивают специально родства героя — Василия Васильевича Губанова с Губановым из «Коммуниста». О том, что это сын и отец, говорят лишь общая фамилия — никаких других внешних связей зритель не видит. Зато ощущается связь внутренняя, общность духовная, позволяющая ставить эти образы рядом и находить их преемственность.

В самом деле, и у Губанова отца и у Губанова сына один главный жизненный принцип: жить согласно тем нравственным нормам, которые выдвинуло наше время. И не пасовать перед трудностями, а вступать в бой, если чувствуешь за собой правду.

В фильме «Твой современник» в такой трудный, неравный бой бросается инженер Василий Губанов.

Руководитель одного из крупнейших проектных институтов,

прекрасный специалист, авторитет в научно-техническом мире, друг совершает шаг, а тот первый взгляд странный: выступает против стройки гигантского промышленного комбината, проект которого он не только утверждал, но и решительным образом отстаивал. Строительство началось, затрачены огромные государственные средства, а Губанов добивается его консервации, потому что столкнулся с новой, куда более перспективной технологией производства.

Есть ли в этом внешняя необходимость, заставляет ли кто-либо Губанова сделать этот шаг? Нет, конечно. Если он промолчит, не обратит внимания на научное открытие и будет продолжать начатое дело, никто с него не взыщет, не осудит. Все это Губанов отлично понимает. И решению его предшествуют мучительные раздумья, борьба с самим собой.

Но выбор сделан. По совести. По долгу коммуниста, который не может скрывать правду.

Артист Игорь Владимиров в роли Василия Губанова создает образ насмешки современного. И в своем внешнем облике и в человеческой сути своей Губанов воплощает черты дня сегодняшнего, черты советского человека середины шестидесятых годов двадцатого века.

Постоять, уж не походит ли это скорее на величественный монумент, чем на живой портрет современника? Нет, у Губанова в фильме живой, достоверный характер. Ему, как гово-

Василий Губанов (артист И. Владимиров). Кадр из фильма.

рителю, ничто человеческое не чуждо, он не ангел во плоти и вовсе не избалован до ошибок и заблуждений. Не может он понастоящему наладить отношения с сыном, понять его до конца, не сопротивляться внутренне тому, что Миша хочет жить по собственному разумению, по естественному влечению своих чувств...

И здесь он в чем-то даже согласен со своей бывшей женой, матерью Миши, Елизаветой Кондратьевной, хотя они и совершенно разные люди как по характерам, так и по мировоззрению. Елизавета Кондратьевна эгоистична в своей любви к сыну. Она требует полного подчинения Миши своей воле, своим желаниям, взглядам. И в этом ее беда, в этом — драматическое начало образа, который во всей своей противоречивости раскрывает актриса Antonina Maksimova.

Актриса Т. Надеждина играет невесту Миши, заводскую работницу Катю Чурикову. У Катю свои горести, разочарования и испытания. Трудно ей одной с маленьким ребенком на руках. Но жизнь не пригнула ее, напротив, сделала самостоятельным и бесстрашным человеком, гордо несущим свое достоинство и независимость.

Человек должен быть самим собой — эта мысль находит превосходное подтверждение и в таких удивительно достоверных образах, как профессор Итконин — Н. Плотников и Зоя — Н. Гуллева.

Авторы не показывают нам конечного результата борьбы Губанова, хотя и подводят и мысли о нем. Для них куда важнее показать ту нравственную зрелость, которая отличает людей нашего общества, наших современников.

Н. СЕРГЕЕВА

ЯЗЫК МОИ-ДРУГ МОИ

«Скажите, пожалуйста...»

Вы приехали в незнакомый город и хотите спросить, как пройти на такую-то улицу, доехать до такого-то магазина. Вы останавливаете прохожего: «Скажите, пожалуйста, как проехать до Красной площади?» Верно? А вот многие почему-то вместо правильного «скажите, пожалуйста» говорят: «Подскажите, как попасть к Большому театру?», «Вы не подскажете, как доехать до вокзала?»

«Скажите» и «подскажите»... Слова вроде бы похожие, однако путать их не надо. У слова «подсказать» — два значения. С одним из них очень хорошо знакомы школьники. Когда ученик не знает урока, он шепчет товарищу: «Подскажи». В этом случае глагол «подсказать» означает «сказать или

незаметно шепнуть кому-либо то, что тот должен произнести». Другое значение этого глагола близкое, но все же иное: «навести на мысль о чем-либо, помочь прийти к какой-либо мысли, решению, убеждению». Героиня поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины» говорит: «Мне сердце давно мое подсказало решение». Других значений у глагола «подсказать» нет. Вот почему, когда нужно просто спросить о чем-то, просьба «подскажите» неуместна.

Вообще глаголам с приставкой «под» в последнее время незаслуженно везет. Вместо «я к тебе приеду завтра» стали говорить «я к тебе подыеду завтра», вместо «пришло тебе кого-нибудь в помощь» и т. д. Тот, кто так говорит, очевидно, просто не знает, что «подъехать» означает «приблизиться к кому или чему-нибудь»: «машинка подъехала к дому», «велосипедист подъехал ко мне». А глагол

«подослать» в литературном языке означает «направить с тайной целью». Герой повести А. М. Горького говорит: «Я испуганно думал: действительно пошутил старичок или подослан был хозяином проверить меня?» Понятно поэтому, что сказать «подошлю кого-нибудь в помощь» (вместо «пришлю») нелитературно.

Л. РАХМАНОВА

Подумайте

Нашу речь часто засоряют лишние слова. Вот и сейчас мы предлагаем вам многословный, избыточный канцеляризм и нелитературные выражениями текст. Сократите его хотя бы на 30 слов, сохранив смысл.

«На состоявшемся совещании агрономов присутствовало сорок семь человек делегатов. Выступавшие говорили о том, что взятые на себя социалистические обязательства колхозы района выполнили.

В силу сложившихся благо-

приятных погодных условий был получен хороший урожай.

Наличие в колхозе «Восход» разрабатанных маршрутов движения комбайнов позволяет экономить рабочее время, которое не пропадает попусту. Комбайны без дела не простаивают. Но в соседнем с ними колхозе «Заря» еще некоторое время назад имели место отдельные факты простоя тракторов. Трактористам нужно собираться вместе и на собрании вынести правильную оценку имеющимся недостаткам в работе и устранить их».

Ответ на стр. 32.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ

...что если вас зовут Альбина, а вашу подругу Светлана, ваши имена значат одно и то же? Светлана, то есть «светлая» — это имя славянское. Альбина — тоже «светлая», только пришло и нам это имя из латинского языка, где альбус значит «светлый, белый». Помните, что животные белой окраски называются альбиносами.

А. АКИШИНА

Отдел ведет кандидат филологических наук Н. И. ФОРМАНОВСКАЯ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Предлагают читатели «Работницы»

г. Красноярск.

Новый порядок взыскания алиментов

ЯБЛОЧНЫЙ ПИРОГ

Смажьте форму сливочным маслом, стенки ее посыпьте сухарями. Нарежьте небольшими дольками консервированные яблоки и выложите на дно формы. Между яблоками — маленькие кусочки сливочного масла. Теперь всейте яйца с сахаром, добавьте муни, хорошо перемешайте и выложите в форму. Выпекать пирог нужно в умеренно горячей духовке не менее 40 минут. Готовый пирог посыпьте сахарной пудрой.

На поллитровую банку консервированных яблок — 3 яйца, 1 стакан сахара, 1 стакан муки, 50 г сливочного масла.

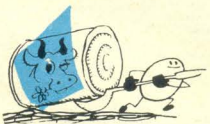
З. Артюх

г. Харьков.

ТОРТ «СЕВЕРНЫЙ»

Вылейте в блюдо густое молоко, добавьте яиц соды и тщательно размешайте, всыпая постепенно картофельную муку. Затем переложите смесь в сковороду, заполнив ее не больше чем на одну треть, и выпекайте в духовке.

На банку сгущенного молока — 2 яйца, 1 стакан картофельной муки.

ПЕЧЕНЬЕ ИЗ ТВОРОГА

Тщательно перемешайте творог, маргарин, добавьте муки, перемесите, раскатайте в тонкую лепешку, нарежьте из нее небольшие квадратики, звездочки, треугольнички. Обвалите с двух сторон в сухарях и ставьте в духовку.

На 500 г творога и 500 г маргарина — 5 стаканов муки.

З. Цибульская

г. Брянск.

Президиум Верховного Совета Союза ССР принял Указ об улучшении порядка уплаты алиментов на содержание детей. Прежде всего упрощается порядок для тех, кто это делает добровольно, согласно родительскому долгу. Раньше бухгалтерия не приняла бы во внимание личную просьбу: «Переведите часть заработка по такому-то адресу». Полагалось оформлять через суд исполнительный лист. Теперь достаточно человеку подать заявление администрации того предприятия, где он работает, и бухгалтерия будет ежемесячно удерживать установленную по закону сумму, переводить деньги в срок (не позднее трех дней после выдачи зарплата) тому, кто указан в заявлении: матери ребенка, опекуну.

Если человек перешел на другую работу, перешел на новое место жительства или просто изменился его заработок, он обязан в трехдневный срок подать администрации новое заявление о взыскании алиментов. Если за время переезда или в каких-либо другим причинам накопилась задолженность по алиментам, — об этом надо сообщить администрации по месту работы, поручить бухгалтерии погасить долг.

К тем же, кто уклоняется от уплаты алиментов, кого подолгу приходится разыскивать, будут применяться более строгие меры. Например, будет сделана в паспорт запись: «По решению суда это лицо обязано платить алименты».

Недавно народный суд Калининского района города Москвы осудил злостного неплательщика Александра Григорьева на один год лишения свободы. В его паспорте при освобождении, конечно, будет сделана такая запись.

Администрация обязана обращать внимание на подобные записи при приеме на работу и, не дожидаясь исполнительного листа, удерживать алименты. Если адрес, по которому надо посылать деньги, неизвестен, их переводят на депозитный счет народного суда.

В тех случаях, когда дети определены на полное государственное обеспечение в детские дома или интернаты, администрация этих детских учреждений имеет право взыскать через суд алименты с обеих родителей в пользу детского учреждения.

В. ФОКИН,
судья

Советует кондитер

П. Ульянов

САХАРНОЕ ПЕЧЕНЬЕ

Сахарный песок растворите в горячем молоке, охладите, добавьте сливочного масла или маргарина, соды, замесите тесто, раскатайте его, вырежьте стаканом лепешки, разделите каждую на четыре части. Слегка смочив водой, обвалите в сахаре и выложите на смазанный маслом противень. Выпе-

кайте печенье 7—8 минут.

На 1 стакан сахарного песка — 1/2 стакана молока, 100 г масла или маргарина, 1/2 чайной ложки соды, 2 стакана муки.

ШОКОЛАДНЫЙ КЕКС

Мелко разотрите ржаные сухари, просейте, смешайте с какао. Размешайте в кастрюле сливочное масло, всыпьте сахар, разотрите деревянной лопаткой и добавьте, помешивая, яйца. Когда масса станет пышной, всыпьте сухари, изюм, замесите. Выпе-

кайте кекс нужно в форме, смазанной маслом и припорошенной мукой. Печется кекс при температуре 180—200° в течение 20—25 минут.

На 1 стакан ржаных сухарей — 100 г какао, 6 яиц, 100 г сливочного масла, 1/4 стакана сахарного песка, 50 г изюма.

ПИСЬМО НЕ ОПУБЛИКОВАНО, НО...

По просьбе «Работницы» прокуратура Никифоровского района, Тамбовской области, и прокуратура г. Коломны, Московской области, проверили письмо, в котором сообщалось, что К. Ф. Пешнина три месяца не может получить алименты на двоих детей. Выяснилось, что отец этих детей, шофер Коломенского завода имени Куйбышева, временно был направлен на работу в совхоз «Коллективист», Никифоровского района, и зарплату получал там. Бухгалтерия завода дала указание совхозу удерживать алименты, но кассир совхоза З. А. Чалова, взыскав деньги, вовремя их не переплатила.

Пешнины уже получили деньги. За несвоевременное перечисление алиментов кассир З. А. Чалова решением районного суда оштрафована.

МАЛЕНЬКИЕ СОВЕТЫ ДЛЯ БОЛЬШОЙ СТИРКИ

● Как проверить перестирной, линяет ли шерстяное платье или кофта? Выдерните из занаванки нитку, опустите ее в горячую мыльную воду, заверните в белую тряпочку и высушите. Если на тряпочке не будет следов краски, стирайте смело. Для стирки линяющих вещей возьмите чуть теплую воду и добавьте в нее немного соли и уксуса.

● Шерстяную вещь надо стирать и сушить, вывернув наизнанку, чтобы не выцвела.

● Вода, в которой вы стираете и полощите шерстяную вещь, должна быть одинаково теплой — резкое изменение температуры неизбежно приведет к тому, что кофточка сядет. Стирайте быстрее, не оставляйте трикотажные вещи в воде даже несколько лишних минут.

● Белье значительно легче отстирывается, если оно не лежало долго грязным. Вы сегодня не можете взяться за стирку? Сложите белье в плетеную корзину или ящик с отверстиями, чтобы оно «дышало». Держите грязное белье сухим: на влажном могут появиться

пятна сырости, от которых потом очень трудно избавиться.

● Белье будет приятно пахнуть, если в воду, приготовленную для кипячения, положить кусочек туалетного мыла.

● Ошибаются те, кто думает, что чем дольше висит белье на ветру, тем для него лучше. При очень долгой сушке ткань становится ломкой, разрушается ее волокна. Вообще сушить выстиранные вещи лучше при комнатной температуре, на сквозняке. Как только они высохнут, снимайте с веревки.

● Бюстгалтеры, пояса, грации стирайте почаще, даже если, на ваш взгляд, «они совсем чистые». От долгой носки такие вещи растягиваются, теряют упругость. Стирайте лучше в теплом мыльном растворе, стараясь не терять и не отжимать слишком сильно. Стиральной машиной для этой цели пользоваться не советуем.

● Выстирав шелковый пояс или бюстгалтер, не вешайте их на веревку — они могут сесть или, на-

оборот, растянуться, потерять форму. Заверните в полотенце, отожмите, а затем сушите, аккуратно расправив и разложив на столе.

● Гладить предметы женского туалета нужно слегка влажными, сначала с изнанки, по долевой нити, и лишь после этого с лицевой стороны.

● Мужские сорочки и женские блузы вешайте подолом вверх, чтобы не вытягивались. А вот комбинации лучше подвешивать за бретельки.

● Постельное белье, скатерти, полотенца, носовые платки, вываж, хорошо расправьте и прикройте и веревке за край — так они не вытягиваются, быстрее сохнут и легче гладятся.

● При стирке кружевных и тюлевых занавесок кремового цвета вместо синих можно использовать настой чая или кофе, процеженный через тонкую ткань.

● Пересушенное белье сбрызните перед глаженьем теплой водой — ткань лучше впитывает ее, чем холодную.

МОДА-69

Мода-69. Какой она будет? То, о чем я сейчас рассказываю, — это вовсе не мои личные предположения, прозорливостью которых я хочу пощеголять. Это вопле деловой и конкретной отчет о том, что решала на последнем своем заседании эстетическая комиссия Всесоюзного института ассортимента изделий легкой промышленности и культуры одежды (сокращенно мы говорим — ВИАлегпром).

Итак, собралась эстетическая комиссия: художники-модельеры, искусствоведы, инженеры — специалисты легкой промышленности. Приехали представители Домов моды из тридцати городов страны. Посмотреть, поучиться? Да. Но и себя познать!

На заседаниях было просмотрено 340 ансамблей одежды. После обстоятельных обсуждений одобрено 179, а то, что одобрено, считается принятым и производству и завтра пойдет на фабрику. На показе то и дело слышалось: «Расписано какой-то фабрике». Значит, модель уже «в работе», есть время освоить ее, выпустить и срону.

Так какой же будет наша одежда в 1969 году?

Для женского платья предлагаются три силуэта: трапециевидный, прямой и полуприлегающий. Силуэт «трапеция» (идущий, кстати, от русского сарафана) придает фигуре стройность и особую женственность. Платье облегает грудь и плечи, а от проймы расширяется. Такую одежду можно рекомендовать и полным, но при условии — не расширять ее внизу слишком сильно. Интересная новинка — костюм-трапеция: небольшое, ровное платье и сверху короткий, немного расширенный жакет (рекомендуется только стройным женщинам).

По-прежнему моден ставший уже классическим полуприлегающий силуэт. Он идет к любой фигуре и возрасту, применим ко всем типам одежды. Небольшое расширение внизу, чуть завышенная талия, четко очерченная линия бедер придают модели мягкость, женственность. Жакеты костюмов короткие или до середины бедер, иногда с чуть завышенной линией талии. На основе полуприлегающего силуэта строится и новый,

условно названный силуэтом «Д» — полуприлегающий лиф и отрезная по бедрам, чуть собранная юбка. Такую одежду, конечно, можно рекомендовать только молодым, худеньким женщинам.

Как и прежде, останутся модными прямые платья, пальто, костюмы. Их четкая конструкция может быть подчеркнута декоративной строчкой. Такая одежда имеет, как правило, спортивный, деловой характер, который усиливают детали: отложной воротник, стойки, клапаны, хлястики, пояс, манжеты. Размеры деталей обязательно подчинены общему объему изделия. Застежка может быть как однобортной, так и двубортной.

Большое значение в современной одежде имеет цвет. Модными в 1969 году будут беж, охра, желтый, красный, изумрудно-зеленый, синий, коричневый. Интересны новые сочетания коричневого с голубым и серым, красного (темного) с зеленым (темным), синего с охристым и так далее.

Длина платья остается такой же, как и сейчас, то есть до

середины колена и немного ниже. Лишь в одежде для спорта и у девочек-подостов юбка открывает колени.

Обувь 1969 года: носок станет еще шире, прибавится пряжек и других деталей оформления. Каблук останется прямым и широким, но будет несколько выше: до 60 мм. Повседневные же туфли, как и в 1968 году, сохранят устойчивый невысокий каблук. Это зрительное «утяжеление» обуви хорошо сочетается с плотными цветными, но однотонными чулками и гольфами. Цвет чулок должен соответствовать цвету одежды. Только для молодежи художники-модельеры предлагают яркие чулки.

Эстетическая комиссия одобрила небольшие по объему шляпы и береты, открывающие лицо и плотно сидящие на голове. Подбирать их надо в цвет пальто или костюма.

И. КРУТИКОВА,
старший художник-модельер
отдела перспективного
моделирования ВИАлегпрома

Рисунки Н. ТОКАРЕВОЙ.

О том Осем

● Беловатый осадок внутри графина легко удалить, если налить в графин горячую воду, добавить чайную ложку уксусной эссенции, а через минуту хорошо прополоскать чистой водой.

● Яблоки, приготовленные для салата, не потемнеют, если, очистив и нарезав, вы положите их в ванну на десять в холодную воду.

● Муку для соуса или иных разведений в солевой воде — не будет комочков.

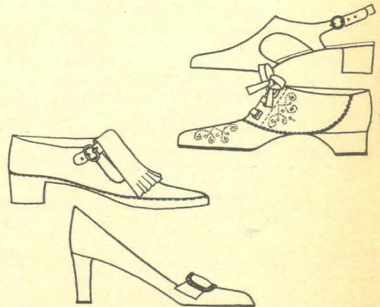
● Щепотка соли, прибавленная в кофе перед окончем варки, придает напитку особый вкус и аромат.

● Открытую банку варенья лучше хранить в холодильнике — оно будет ароматнее и приятнее на вкус. Если варенье чересчур сладкое, добавьте в него чуть-чуть лимонного сока. Кстати, это рекомендуется делать и при варке варенья: оно тогда никогда не засахарится.

● Серебряные кольца, брошки, цепочки чистят сухой суконной тряпочкой или же мягкой цветной, смоченной теплой мыльной водой. Можно использовать для чистки и зубной порошок.

● Сморщенные, жесткие кожаные перчатки, пальто, куртки протрите чистой тряпочкой, смоченной в касторовом масле, — через несколько часов к ним вернется блеск и эластичность. Вытершесь, белесые места потрите предварительно тушью.

уютю не помеха

Радиатор парового отопления, конечно, не украсит комнату, даже если он только что выкрашен, а облупившийся и вовсе портит вид. Почему бы не «замаскировать» батарею? Для этого потребуются кусок деревянной плиты или несколько планок.

Если батарея находится под окном, ее можно «застелить» так, как показано на рис. 1. Вырежьте из плиты щиток — по размеру батареи — просверлите небольшие отверстия и прикрепите шурупами к двум вертикальным брусьям (сечением 40×25 мм). Из полоски железа (20×2 мм) сделайте кронштейны, привинтите их шурупами к брусьям и навесьте кронштейны на батарею, как показано на схеме. Чтобы при необходимости щиток легко можно было снять, его верхняя кромка не должна примыкать к подоконнику вплотную. Покрасить щиток лучше всего в цвет мебели или стен.

На рис. 2 батарея установлена не под окном, а у стены. Поэтому заграждающий ее короб может служить полкой, на которую ставятся декоративные вещи.

Как делается короб? Две боковые вертикальные стойки толщиной в 20 мм (высота и ширина их определяются выступом батареи) соединяются впереди нижним бруском (40×25 мм) и сверху — самой толстой. Под ней закрепляется еще один брусок специально для того, чтобы к нему, а не к полке прибавлять планки. Ширина планок — 15 мм, интервалы между ними — 20 мм. Чтобы короб не опрокидывался, его следует прикрепить к стене, навесить.

Архитектор
А. БЕЛУССКИЙ

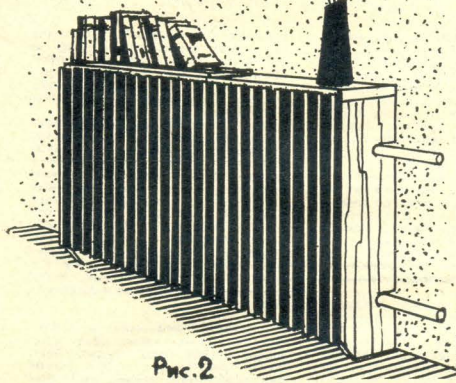
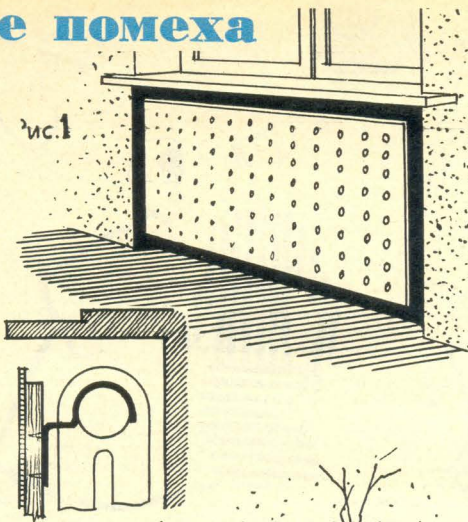

Рис. 2

ДЕЛОВОЕ ПЛАТЬЕ

Когда мы говорим «деловое платье», то имеем в виду платье без больших претензий, в котором хорошо себя чувствуем и на работе, и на улице, и в институте и даже в театре, если не хватает времени забежать домой переодеться.

Наким же должно быть деловое платье? Прежде всего простым по крою, четким по силуэту. Вычурные, сложные линии и детали выходят из моды куда быстрее, чем сшивается платье.

Шить деловое платье лучше из добротного материала. Посудите сами. Вы носите это платье с утра до вечера и, конечно, хотите, чтобы оно с честью выдерживало такую нагрузку, не мялось, не лоснилось, не терло формы. Так что из дешевой ткани нам не имеет смысла шить как раз праздничное платье, которое надеваешь не так уж часто.

Теперь давайте выберем цвет. Сейчас в моде и живые, яркие тона и нежные, пастельные, даже блеклые краски осени. Конечно, из всей гаммы цветов вы должны выбрать тот, что больше всего к лицу. У каждой женщины есть свой, давно любимый. Но подумайте, не пора ли его сменить. Раньше он вам очень шел, а теперь — нет.

И еще. Облюбовав ткань яркого, пронзительного цвета, помните, что она скоро надоест не только вам, но и тем, кто видит вас каждый день. К такому платью трудно подобрать обувь, сумку. Нелегко его и обновить, «оживить» какой-нибудь милой модной деталью. А деловому платью обновление необходимо. Платье будет совсем заново смотреться, например, с кожаным поясом, бантом из репсовых лент (гладких и в клеточку), легким шелковым галстуком, манжетками. Это «живое пятно» можно часто менять без больших затрат денег и времени.

На нашей обложке вы видите фотографии двух модных деловых платьев, одно для женщины среднего возраста, другое — молодое, а также несколько рисунков, которые, как мы надеемся, могут дать толчок вашей фантазии.

Простое платье из синей шерсти может шить себе каждая женщина. Под воротником завязан яркий галстук из набивного крепдешина, сочетающийся по цвету с тканью платья. Рельефы, которые начинаются под проймой и заканчиваются ниже линии бедер, придают модели подлинную выкройку силуэта и делают фигуру стройнее. Выкройку этого платья в натуральную величину для 50-го размера, III роста мы даем в приложении. Там же вы найдете рисунки еще трех моделей, которые можно шить по этой основе.

Бледно-сиреневое шерстяное платье для молодой, стройной женщины. Впереди оно отрезное, шов закрыт широким поясом с круглой пражкой. Расширенная юбка с глубокой встречной складкой делает силуэт спортивным, подвыплым и подчеркнуто модно-легким. Такие складки сейчас очень модны. Воротник — мягкая стойка.

В приложении вы найдете три варианта этого платья и уменьшенную выкройку для 46-го размера, III роста.

Искусствовед И. МАЛИВАНОВА.
Художники О. БЕЛЖИНА и Ф. БУДАНОВ.
Модели Н. ЛЫСОВОЙ.

Ответ на вопрос «Подумайте».

Вариант выправленного текста: «На совещании агрономов присутствовало сорон семь делегатов. Выступавшие говорили о том, что социалистические обязательства колхозы района выполнили. Благоприятная погода позволила получить хороший урожай.

В колхозе «Восход» разработаны маршруты комбайнов, что экономит рабочее время. Комбайны не простаивают. Но в соседнем колхозе «Заря» трактора еще недавно простаивали. Трактористам нужно правильно оценить недостатки в работе и устранить их».

На первой странице обложки: МАТЕРИ МИРА. Мозаика художника А. Кузнецова.

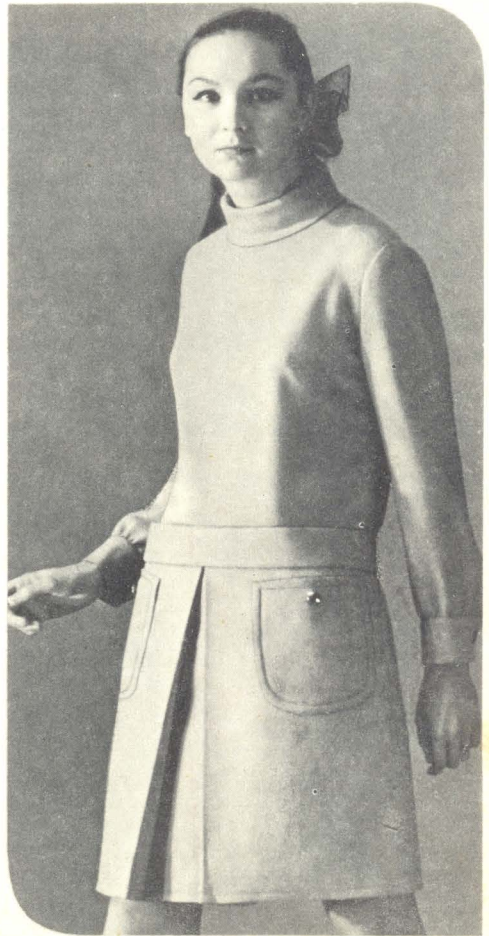
На четвертой странице обложки: Подарки женщин мира советским женщинам. Фото Н. Маторина и Э. Оремуса.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройка повседневного платья и шрушки-самоделки.

<p>Адрес редакции: МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ пр., 14.</p> <p>ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ: промышленного — Д 0-11-72; международной жизни — Д 0-12-30; литературы и искусства — Д 0-12-30; семьи и быта — Д 0-11-93; науки и антирелигиозной пропаганды — Д 0-44-80; художественного оформления — Д 3-34-79; писем — Д 0-57-38; массовой работы — Д 0-44-80; зав. редакцией — Д 3-30-05.</p>	<p>Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.</p> <p>Редакционная коллегия: Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора).</p>
<p>Оформление художника Я. МИРОШНИЧЕНКО.</p> <p>Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.</p>	<p>Технический редактор Т. ЖУРАВЛЕВА.</p> <p>А 00351. Подписано к печ. 26/1-1968 г. Формат бумаги 60 × 92½. Усл. печ. л. 5-43. Уч.-изд. л. 9,56. Тираж 10 000 000 экз. (1 — 9 500 000 экз.) Изд. № 221. Заказ № 72.</p>

ПОВСЕДНЕВНОЕ ПЛАТЬЕ ИЗ ШЕРСТИ

ЧССР

ПОДАРКИ ЖЕНЩИН МИРА СОВЕТСКИМ ЖЕНЩИНАМ

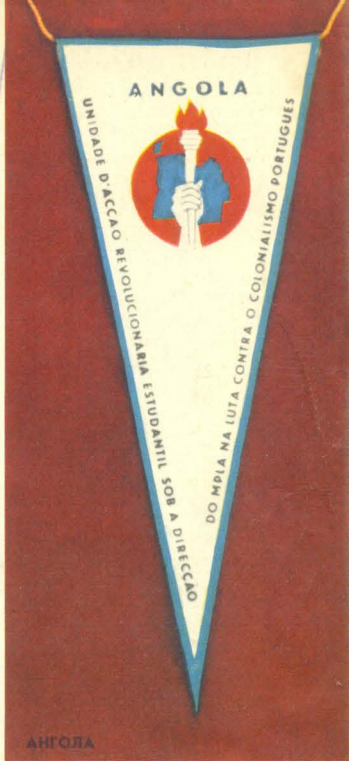
ПОДАРОК
ЖЕНЩИНАМ

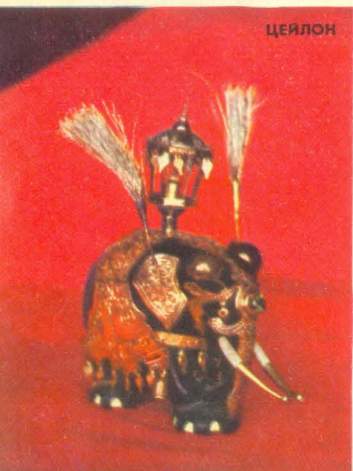
ИТАЛИЯ

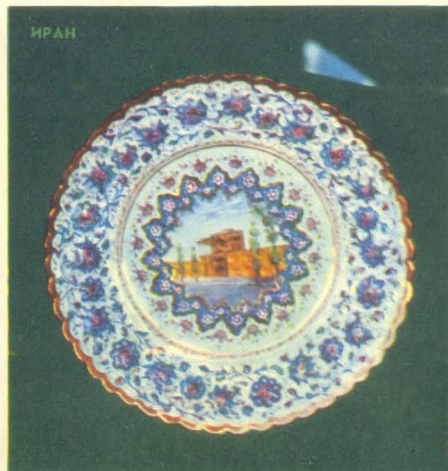
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ
ОСВОБОЖДЕНИЯ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

АНГОЛА

ЦЕЙЛОН

ИРАН

МАЛИ

Цена 10 копеек.
Индекс 70770